

A hand holding a revolver with blood splatters and a bee. The hand is adorned with a ring and a string of amber beads. The background is a textured, aged parchment-like surface with several red blood splatters. A small bee is visible near the bottom center of the image.

Павел
Корнев

РЕЖЕГАТ

Павел Николаевич Корнев

Ренегат

Серия «Небесный эфир», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40734139*

Аннотация

Небесный эфир пронизывает все сущее, и знающие люди способны прикасаться к нему, сплетать в заклинания, использовать в собственных целях. И отнюдь не всегда – во благо окружающим. Присягнувшие князьям запределья чернокнижники готовы принести в жертву потусторонним владыкам все и вся, лишь бы только добиться своего. Выявление отступников из числа ученого люда возложено на Вселенскую комиссию по этике. Филипп Олеандр вон Черен – магистр-расследующий, молодой и амбициозный. Он ритуалист и адепт тайных искусств, но волшебному жезлу предпочитает пару покрытых колдовскими формулами пистолей, а в подручных у него наемники и бретоны. Филипп не отступает от самых запутанных дел, не боится грязи и крови, ведь у него имеются собственные счета к чернокнижникам. Впрочем, хватает и скелетов в шкафу. Непроста же его прозвали Ренегатом...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	64
Часть вторая	129
Глава 1	130
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Павел Корнев

Ренегат

Часть первая

Дорога в заповедье

Глава 1

Пронзительный осенний ветер трепал пожухлые листья, мел по дороге колючую снежную поземку, выл в печных трубах и свистел под скатами крыш. А еще рвал полы плаща, сдергивал шляпу, обжигал неожиданно хлесткими порывами лицо. Будто издеваясь над флюгером почтовой станции, он беспрестанно менял направление, дул то в одну сторону, то в другую, и медный голубь на крыше крутился просто безостановочно.

Не желая уподобляться безвольной вертушке, я прислонился плечом к стене и несколько раз сжал и разжал кулаки, разминая занемевшие из-за утреннего морозца пальцы. Тонкие кожаные перчатки защищали от холода не лучшим образом, но все зимние вещи были убраны в забитый под завязку дорожный сундук.

Ангелы небесные!

День откровенно не задался: сначала пришлось вставать спозаранку и завтракать всухомятку хлебом с холодной кровяной колбасой, затем битый час ждать карету на продуваемой всеми ветрами площади перед почтовой станцией. А погода не радовала. Первый месяц осени выдался на удивление холодным и ненастным, словно мы находились в Северных марках, а не в Средних землях империи. Ко всему прочему еще и почта оказалась заперта!

Безобразие! Совсем здешний зритель страх потерял! Или дело вовсе не в беспечности и разгильдяйстве?

Я выдохнул короткое проклятие, изо рта вырвалось облачко пара.

– Как думаешь, Хорхе, – обратился я к слуге, – не сыграли, случаем, с нами дурную шутку, выставив за порог раньше условленного часа?

Хорхе Кован придержал едва не сдернутый ветром капюшон и поднял к небу смуглое лицо, обветренное и морщинистое. Пустое! Над крышами расползлась серая пелена низких облаков; если солнце и взошло, этого было не разглядеть.

Слуга поежился и покачал головой.

– Ума не приложу, магистр, какой в том прок хозяину, – с сомнением произнес он после недолгих раздумий, затем стянул вязанные перчатки и принялся растирать ладонями покрасневшие щеки и орлиный нос.

Я обвел рукой темные окна выходивших на площадь до-

мов и начал перечислять:

– Кареты нет, почтовая станция заперта, лавки не открылись. И кругом – ни души. Какой вывод из этого следует, Хорхе? Ну же! Используй логику!

– Логика... – осторожно произнес Кован не в первый раз слышанное от меня слово, – и... опыт подсказывают, что шутнику выплут по первое число. Но, магистр, нужны ли нам неприятности?

Долгое пребывание на холоде отнюдь не наполнило мое сердце смирением и всепрощением, рассмеялся я недобро, даже зло.

– Хорхе! Императорской хартией ученый люд выведен из подсудности и светских, и церковных властей. Не забывай об этом!

Но так легко слугу оказалось не смутить.

– При всем уважении, магистр, – покачал он головой, – слова о хартии не остановят взбешенную толпу. Императорское правосудие далеко, а колья и косы – близко. Кинжал на поясе никого не напугает, придется пустить наглецам кровь. Ваши коллеги будут недовольны.

Тут он меня уел. Напряженные отношения между школярами и простецами давно стали притчей во языцех. Но и спускать столь изощренное издевательство я не собирался. Ноги замерзли так, что уже пальцев не чувствую!

– Мои коллеги никогда не бывают довольны, – проворчал я, не желая признавать правоту слуги.

– Хорошо хоть нет маэстро Салазара, – вздохнул Кован. – Грешно радоваться чужим бедам, но этот пропойца непременно втравил бы нас в неприятности.

– Трезвый Микаэль – сама доброта.

– И часто ли он пребывает в подобном состоянии? – не удержался Хорхе от едкого замечания. – Разве что когда спит да пока не похмелился. Но с похмелья он и вовсе злой, как все князья запределья, вместе взятые!

Предвзятое отношение слуги к Микаэлю не являлось для меня секретом: старик на дух не переносил уроженцев Лавары, да и остальных южан тоже не жаловал. На юге соплеменников Кована издревле обвиняли во всех смертных грехах, начиная от ростовщичества и скупки краденого и заканчивая конокрадством и воровством детей.

– В городской тюрьме Риера не наливают, – проворчал я, внутренне негодуя, что срочный вызов спутал все карты и помешал вызволить подручного из цепких лап правосудия до отъезда из города.

Судебное разбирательство грозило затянуться надолго, а значит, в новом деле придется обходиться без талантов Микаэля.

Я постучал сапогом о сапог, но придумать достойную месть поднявшему нас ни свет ни заря шутнику не успел. Хорхе вдруг сообщил:

– Свет зажгли.

– Где? – оживился я.

– У булочника.

– Беги узнай, который час! – попросил я слугу, но тут же встрепенулся и снял с пояса кошель. – Держи грешель, купи какого-нибудь горячего питья. И не скупись, себе тоже возьми.

Хорхе Кован принял мелкую монету в четверть гроша и заколебался.

– Могу покараулить, пока вы сходите. Хоть погрееетесь.

– Иди! – отмахнулся я.

Если дело не в дурацкой шутке и почтовая карета просто задержалась в пути, то кучер постарается наверстать упущенное время и ожидать пассажиров наверняка не пожелает. При необходимости Хорхе мог навязать свое мнение кому угодно, но, как совершенно справедливо заметил он сам, меньше всего сейчас нам нужны проблемы с местными властями.

Накинув на голову капюшон, слуга пересек площадь и постучался в булочную. Какое-то время ничего не происходило, затем дверь распахнулась и слуга скрылся в лавке.

Я остался на улице наедине с холодом и ветром. Та еще компания.

Сделав несколько глубоких вдохов, я обратился к своему эфирному телу и попытался с помощью внутренней энергии ускорить кровоток и хоть немного согреться, но ожидаемо натолкнулся на невидимую стену. Когда-то для подобного трюка не требовалось даже сосредотачиваться, теперь

же единственным результатом стало болезненное жжение в левой руке.

Провалиться мне на этом месте! В кого я превратился?! Беззвучно выругавшись, я начал перебирать пальцами янтарные четки, и вскоре раздражение и злость отошли на второй план, жжение в руке ослабло, перестал трясти озноб. Нет, холод никуда не делся, просто стало легче не обращать на него внимания.

Стукнула дверь, на улицу вышел Кован. Он пересек площадь и протянул мне одну из двух глиняных кружек, горячее содержимое которых курилось белесым паром.

– Два пфеннига, магистр, – полез он за сдачей.

– Потом! – оборвал я слугу и стиснул озябшими пальцами теплые бока кружки.

Затем вдохнул чудесный аромат глинтвейна, миг помедлил и сделал первый осторожный глоток. По телу разошлось живительное тепло, хмурое утро сразу перестало казаться таким уж беспросветно холодным. Впрочем, непогода мигом напомнила о себе порывом стылого ветра. Поземка на площади так и кружилась.

– Булочник говорит, с утра все в церкви, – сообщил Хорхе, хлебнул глинтвейна и поежился.

– Ну конечно! – Я хлопнул себя по лбу. – Болван! Сегодня же осеннее равноденствие! Первый день пути пророка в Ренмель!

Хорхе особой религиозностью не отличался, поэтому

уточнил:

– И чем нам это грозит, магистр?

– Проторчим тут еще не меньше часа, – ответил я и вновь приложился к пузатой кружке. Сделал жадный глоток и поморщился. – Пока не закончится праздничная служба, никто в дорогу не отправится.

Кован скривился и досадливо сплюнул под ноги.

– Идите греться, магистр. Я покараулю карету.

– Допивай, сразу и кружку унесу.

Хорхе запрокинул голову, кадык на худой шее заходил вверх-вниз в такт быстрым глоткам, и я остановил слугу:

– Не торопись так!

Подогретое вино подействовало наилучшим образом, да и обращение к эфирному телу пусть и с заметным опозданием, но все же принесло свои плоды – холод на время отступил. В гости к булочнику пойду позже, когда снова озябну.

Слуга вдруг вострепнулся и скинул с головы капюшон.

– Магистр! Слышите?

Я замер на месте и очень скоро уловил цоканье копыт и скрип конной упряжи. Влил в себя остатки глинтвейна и не без сожаления отдал Ковану кружку, о бока которой было так приятно отогревать замерзшие пальцы.

– Живо! Одна нога там, другая здесь!

Хорхе побежал в булочную, а я поднял с земли саквояж и прошелся по площади в ожидании почтовой кареты. Увы и ах, из-за домов на дорогу вывернула четверка лошадей, та-

щивших за собой неповоротливый дилижанс. Передней парой управлял паренек-фореитор, на козлах сидели кучер в зеленом плаще и заросший кудлатой бородой охранник в теплой стеганой куртке. Одной рукой последний придерживал устроенный на коленях арбалет.

Дилижанс! Я страдальчески сморщился. Мало того что пассажиры обыкновенно набивались в них будто селедки в бочки, так эти сундуки на колесах еще и ехали куда медленней почтовых карет. С тем же успехом можно было отправиться в путь пешком. Когда б не холод и опасность наткнуться на ватагу лихих людей, видят небеса, я бы так и поступил.

Лошади остановились, и парнишка-фореитор немедленно выбрался из седла, прошелся по площади, разминая занемевшие ноги и разогреваясь. Войлочная шапка, надвинутая на уши, и латаная-перелатаная куртка защищали от холода не лучшим образом.

Кучер закашлялся, трубно высморкался и простуженно крикнул:

– Кому на Стожьен? Ваша милость, поспешите! Лошадак здесь менять не будем!

Я заколебался, и успевший вернуться от булочника Хорхе Кован негромко спросил:

– Магистр, так мы едем или нет?

Почтовую карету можно было прождать еще час или даже два, поэтому я подошел к седуусому кучеру и поинтере-

совался:

– Что с местами, любезный?

На крыше были закреплены какие-то тюки и пара вместительных сундуков, рассчитывать на поездку в одиночестве не приходилось.

Кучер шустро спрыгнул с козел и распахнул дверцу общего отделения:

– Прошу!

Внутри друг напротив друга были установлены две лавки. На одной относительно вольготно расположились два родных горожанина в одежде мастеровых. На другой устроилась почтенная матрона сложением им под стать. Рядом с ней приткнулся пухлый юноша, и эта парочка буквально вдавила в противоположную дверцу румяного молодчика, чей род деятельности навскидку определить не удалось.

Смотрели на нас пассажиры безо всякой приязни; тесниться им никоим образом не хотелось.

И в таких условиях ехать до самого Стожьена? Увольте!

– Империя свободен, магистр, – заметил Хорхе. – Прокручусь наверх.

– На крыше поездка за полцены, – поспешно вставил кучер и вытер рукавом нос. – Всего три крейцера с человека за почтовую милю.

– А спереди? – указал я на отделение для состоятельных и благородных.

– Дюжина с человека. – Кучер оценивающе глянул на мой

дорожный сундук и добавил: – Багаж бесплатно.

Я заколебался, не зная, как поступить: отправиться в путь на дилижансе или дождаться почтовой кареты? Простоять на холодном ветру еще невесть сколько времени или выехать в Стожьен на эдаком тихоходе, зато прямо сейчас?

Ангелы небесные! Ненавижу ждать!

Я поднял руку с четками, привычным движением намотал их на кисть и поцеловал золотой символ веры – звезду с семью волнистыми лучами.

– Закрепи сундук на крыше и лезь внутрь. Поедешь в общем отделении, – скрепя сердце, приказал я Ковану и достал кошель, но слуга покачал головой:

– На империале дешевле, магистр.

– Не по такому холоду, – отрезал я. – Лечить тебя потом дороже выйдет!

Хорхе пожал плечами и направился за моими пожитками, а кучер перестал загибать пальцы, высчитывая плату за проезд, и заорал на всю площадь:

– Гюнтер, бездельник! Помоги человеку!

– Бегу, дядя!

Фореитор бросился к Хорхе, и вдвоем они потащили сундук к дилижансу. Дальше Кован взгромоздил сундук на крышу и принялся закреплять его там веревками.

Кучер наконец покончил с расчетами и объявил:

– С вашей милости тридцать шесть крейцеров.

С учетом почтовых сборов при каждой смене лошадей по-

ездка на карете обошлась бы даже дороже, и я распустил тесемки кошель.

– Сколько времени займет дорога? – поинтересовался, выудив половину талера и пару грошей.

– Часа два, не больше, – ответил кучер, внимательно изучил серебряные монеты и расплылся в подобострастной улыбке. – Прошу!

Но тут встрепенулся бородатый охранник.

– Кинжал, – хрипло произнес он, заметив на моем поясе оружие.

– И что с того? – хмыкнул я, стянул с правой руки перчатку и продемонстрировал серебряный перстень с гербом Браненбургского университета. – Или бумаги показать?

Сомнение в грамотности собеседников прозвучало явственной некуда, и кучер быстро произнес:

– Не стоит, ваша милость. Забирайтесь, и тронемся!

Пальцы моментально занемели от холода, и это обстоятельство моего настроения отнюдь не улучшило, но до прямых оскорблений я все же опускаться не стал. А только распахнул дверцу, и сразу пошли прахом надежды на поездку в одиночестве. Место у дальней стенки оказалось занято худощавым сеньором, смуглым и темноволосым.

Как бы невзначай замешкавшись на верхней ступеньке, я окинул незнакомца быстрым взглядом. Было дворянину лет тридцать от роду, на худом лице с резкими высокими скулами и короткой черной бородкой выделялся крупный

прямой нос. Волосы он стянул в косицу, в левом ухе посверкивала золотом серьга с крупным зеленым самоцветом. И глаза – тоже зеленые. Из-под распахнутого плаща проглядывала добротная ткань синего камзола, на шею был повязан теплый платок. Кожаный оружейный пояс оттягивала дага, а ножны с широкой и не слишком длинной скьявоной мой попутчик упер в пол и придерживал коленями. Левая рука лежала на сложной корзинчатой гарде.

– Сеньор... – Я коснулся кончиками пальцев шляпы, опустился на сиденье и устроил на коленях саквояж.

Кучер прикрыл дверцу, но темно из-за этого не стало: свет проникал через оконце с поднятой ставней в передней стенке.

Сосредоточенное лицо незнакомца дрогнуло, и он расплылся в обаятельной улыбке.

– Сильвио де ла Вега, к вашим услугам!

– Филипп вон Черен, лицензиат, – представился я, пытаюсь распознать акцент собеседника.

Это оказалось непросто: говорил он на северо-имперском наречии столь бегло и чисто, что вполне мог сойти за местного уроженца. Но южанин – это точно; слишком характерная внешность.

Сильвио с интересом посмотрел на мой серебряный перстень и не удержался от вопроса:

– Великодушно простите мое любопытство, Филипп, но разве вы не изучаете тайные искусства? Я слышал обращение

«магистр»...

– О! – улыбнулся я. – Путаница вполне объяснима. Помимо всего прочего, так обращаются и к лекторам факультета свободных искусств.

– Благодарю за пояснение, – принял мой ответ собеседник, запахнул наброшенный на плечи плащ с меховым подбоем и погрузился в собственные мысли.

Лошади тронулись, дилижанс качнуло, и я задвинул засов, дабы случайно не вывалиться наружу из-за нехоти распахнувшейся дверцы. Дорога оставляла желать лучшего. Казалось, вся она состоит из колдобин, выбоин и луж. Впрочем, морозец прихватил грязь, поэтому экипаж шел свободно и не застревал, к тому же, в отличие от жестких лавок общего отделения, наши сиденья были мягкими, с обтянутыми кожей войлочными подушками. Трясло не так уж и сильно.

– Путешествуете по делам, магистр? – обратился ко мне Сильвио со свойственной выходцам с юга непосредственностью.

– Получил кафедру в университете Святого Иоганна, – ответил я, в общем-то, чистую правду, шмыгнул носом и добавил капельку лжи: – Буду преподавать словесность.

– А! – оживился южанин и хлопнул себя по туго обтянутому кожаной штаниной бедру. – Как там было сказано: «Слово живое подобно эфиру небесному, книги – тела смертных людей»!

Зеленые глаза собеседника азартно блеснули, и я его не разочаровал.

– Не самый точный перевод со староимперского. В оригинале говорится о небесном светиле, не об эфире.

Сильвио развел руками:

– По нынешним временам подобное изречение граничит с ересью. Того и гляди, причислят к солнцепоклонникам.

Повисла неловкая пауза, и я отвлекся, чтобы раскрыть саквояж. Как назло, дилижанс сильно трянуло, под ноги мне вывалился лакированный деревянный футляр с затейливыми серебряными уголками.

– Что там у вас? – любопытствовал Сильвио.

Я провел ладонью по гербу Ренмельского императорского университета и улыбнулся:

– Мои орудия труда.

– Книги? – предположил южанин, оценил размеры футляра и поправился: – Книга?

– Трактат об изящной словесности небезызвестного Лотара Медасского, – подтвердил я, выудил из саквояжа носовой платок и вернул на место слишком уж увесистую для местности книги шкатулку. Затем отвернулся и с облегчением высморкался, перестав наконец шмыгать носом.

Колесо провалилось в очередную яму, и нас здорово подбросило, но дальше дилижанс пошел на редкость ровно, тряска стихла, смолк скрип колес. Я выглянул в окошко и обнаружил, что экипаж вывернул на староимперский тракт.

Прошедшие с момента его создания века не сумели разрушить уложенные впритирку друг к другу каменные плиты. Древняя дорога тянулась на северо-запад через равнины и перевалы вплоть до Свальгрольма – главного порта Самоцветного моря.

Я с облегчением откинулся на спинку сиденья и начал перебирать четки, пропуская меж одеревеневших от холода пальцев шарики полированного янтаря. Те казались теплыми на ощупь; очень быстро призрачный огонь отогрел ладонь и стал взбираться вверх по руке, снимая напряжение, прогоняя сомнения и нервозность. Я начал проговаривать про себя молитву о благополучном завершении путешествия, но тут оценивший плавный ход дилижанса Сильвио отметил:

– Умели раньше строить, магистр! Не так ли?

– И не говорите, сеньор! – был вынужден я поддержать разговор. – Чего у древних не отнять, того не отнять.

– Если б только это! – экспрессивно махнул рукой южанин. – Если б только это, магистр! Мы выстроили дом на фундаменте сгнувшегося мира. Поскреби хорошенько – и непременно отыщешь следы Полуденной империи.

Я кивнул и оспаривать это утверждение не стал, поскольку оно не только соответствовало истине, но и было вполне безобидным и не могло навлечь неприятности одним лишь молчаливым согласием. Впрочем, беседовать на подобные темы со случайным попутчиком все же не стоило. Я посмотрел через узенькое окошко на улицу.

Дилижанс начал обгонять шагавшего по обочине путника, но бродяга вдруг ухватился за подножку и побежал рядом. Прямо на ходу он перекинулся парой фраз с кучером и пропал из виду, а по крыше экипажа застучали тяжелые башмаки.

Нет, не бродяга, раз смог оплатить поездку, пусть и на империале.

Сильвио поднял лежавший в ногах заплечный ранец, достал из бокового кармашка плоскую фляжку, глотнул сам, протянул мне. Ноздри уловили аромат виноградного бренди, и я отказался, хоть и едва не стучал зубами от холода.

– Благодарю, сеньор. Предпочитаю менее крепкие напитки.

– Как знаете, – не стал настаивать Сильвио, сделал еще один глоток, и глаза его заблестели. – Древние умели не только строить. Они хоть и были презренными солнцепоклонниками, но во многом превосходили нас. Мы по сравнению с ними будто карлики рядом с великанами.

Тут уж я промолчать не смог и заметил не без сарказма:

– Как говаривал один мудрый человек, карлики на плечах великанов имеют более широкий кругозор по сравнению с последними.

– Пустые слова! Северные народы жили в дикости, цивилизацию сюда принесли имперские легионы!

– Принесли цивилизацию и забрали свободу. Рабство в обмен на право говорить на чужом языке – не слишком рав-

ноценный обмен, на мой взгляд. Вы не согласны?

– Юристы до сих пор изучают в университетах классическое, сиречь староимперское право. А денежная система? Талер в шестьдесят крейцеров и крейцер в четыре пфеннига – это же идет еще оттуда! – напомнил южанин. – А медицина? Все медицинские познания мы получили в наследство от язычников!

Я рассмеялся, принимая правила игры.

Сеньор де ла Вега хочет диспута? Он его получит!

– О да! Имперские гаруспики разбирались в анатомии как никто другой. Потрошить людей они были мастера.

Сильвио вновь глотнул бренди, закрутил колпачок и убрал фляжку в ранец. Затем начал перечислять:

– Арифметика, геометрия, астрономия...

Но не даром умение вести диспуты полагалось в университетах одним из главнейших достоинств ученого мужа; я тут же ухватился за оплошность оппонента и без всякого почтения его перебил:

– Астрономия?! Сеньор, имперские книжники всерьез полагали, что на севере солнце светит не так жарко исключительно из-за недостатка жертвоприношений. Кровь на ритуальных пирамидах завоеванных земель лилась рекой! А беднягу, который объявил наше светило звездой, одной из многих, сожгли на костре, несмотря на родство с императорской фамилией!

– Сжигают на кострах и сейчас! – немедленно напомнил

южанин.

– Еретиков, не ученых!

– А так ли велика между ними разница? К тому же это лишь в империи ученое сословие не подлежит церковному суду, по ту сторону Рейга дела обстоят иначе, уж поверьте на слово. Упаси вас Вседержитель привлечь внимание Канцелярии высшего провидения! А о деяниях инквизиции в землях мессиан и вовсе лучше не вспоминать. В Карифе, Архорне или том же Мерсано на костре может оказаться любой! Даже в Гиарнии никто не застрахован от этого, если на то пошло.

Впереди послышался резкий отзвук рожка, и замедливший ход дилижанс начал прижиматься к обочине. Я выглянул в окошко и увидел катившую навстречу почтовую карету. Мы разъехались, и Сильвио в ожидании ответа вновь обратил свое внимание на меня.

Что я мог противопоставить его словам? Много, наверное. К примеру, рассказ о том, что церковники сжигают лишь своих погрязших в ереси собратьев, а тех же черно-книжников лишь топят в проточной воде. Вот только длинный язык еще никого до добра не доводил; не стоило слишком уж откровенничать с совершенно незнакомым человеком. Я предпочел отделаться банальным, зато самым безопасным высказыванием:

– Сеньор, Полуденная империя была построена на крови покоренных народов!

Этот неоспоримый факт я готов был отстаивать до хрипо-

ты, но Сильвио оказался вовсе не так прост, он немедленно обратил утверждение против меня самого.

– Весь наш мир построен на крови, магистр! – объявил южанин и процитировал священное писание: – «Пророк предрек Дни гнева, и они случились по слову его»... – Не дождавшись никакой реакции на свои слова, он продолжил: – Южный континент ушел под воду, и от обширных некогда земель остались жалкие ошметки Солнечного архипелага. Сколько людей сгинуло тогда в Каменном море? А сколько погибло в последующих войнах?

– Язычники! – презрительно фыркнул я, поглаживая четки. – Они могли покаяться, но не нашлось среди них праведников. Вседержитель давал шанс спастись, им не воспользовались. Так кто повинен в этом, кроме них самих?

Крючок был наживлен весьма искусно, последователи немалой части ересей не удержались бы от замечания об изначальной неизбежности катастрофы, но сеньор де ла Вега лишь покачал головой и с ответными высказываниями спешить не стал. Пришлось взять инициативу на себя.

– Что же касается последующего кровопролития, то язычники резали язычников, это был их собственный выбор. Банальная борьба за власть, не более того...

Тут Сильвио кивнул:

– Борьба за власть, в которой самое деятельное участие принимал самопровозглашенный император Максимилиан, ныне причисленный к лику святых.

– Он принял истинную веру лишь через тридцать лет после тех событий, – парировал я, гадая, в какую ловушку пытаются завести меня южанин.

Раз за разом собеседник менял направление разговора, и никак не удавалось понять, делает он это из желания оставить последнее слово за собой или исподволь направляет беседу в нужное ему русло. А быть может, просто захмелел и не вполне отдает отчет в своих речах?

Я даже рискнул воспользоваться истинным зрением, но эфирное тело Сильвио никаких сюрпризов не преподнесло, оказавшись блеклым и однородным, абсолютно нормальным для простеца. И пусть любые аномалии можно скрыть и замаскировать, едва ли мой собеседник практиковал тайные искусства. Еретик, провокатор или просто подвыпивший болтун, истосковавшийся по общению с равными себе? Оставалось лишь теряться в догадках, по крайней мере – пока.

Изменивший направление ветер закинул в узенькое окошко колючую снежную крупку, и я потер ладонями озябшие щеки.

– Подумать только, клятвопреступник стал императором и святым! – покачал головой сеньор де ла Вега. – Максимилиан был всего лишь наместником Северной провинции, вы ведь знаете об этом? А в итоге он поднял бунт, разрушил Арбес и убил законного наследника Солнечного трона. И даже истинную веру принял лишь из желания заручиться под-

держкой черни и остановить народные волнения.

– Династия прервалась в Дни гнева, в Арбесе короновали бастарда. Да и кого волнует, что случилось почти восемь столетий назад? Северная империя не просуществовала и ста лет, внуки Максимилиана растащили ее на королевства, как падальщики растаскивают по костям павшее животное.

Сильвио лукаво улыбнулся:

– Кого это волнует? К примеру, это волнует светлейшего государя – его императорское величество Фердинанда Второго. Иначе он давно бы перенес столицу из Ренмеля. Разделенный город – не лучшее место для монаршего двора.

Ренмель. Святой город и город разделенный. Империи принадлежала лишь левобережная часть столицы, на противоположном берегу Рейга начинались земли догматиков, признававших верховенство Сияющих Чертогов.

– Ренмель – единственное место к западу от Рейга, где ступала нога пророка! Никто не станет переносить столицу из святого для всех ортодоксов города.

– Догматики полагают святой лишь свою часть, ведь Сияющие Чертоги расположены на восточном берегу.

Я посильнее запахнул плащ и, переборов внутреннее сопротивление, произнес:

– Ну мы-то сейчас к западу от Рейга. Какое нам дело до мнения этих раскольников?

Собеседник испытующе посмотрел на меня, вроде бы немного даже поколебался, но все же не смог промолчать и

сказал:

– Поговаривают, будто светлейший государь намерен повторно короноваться в Сияющих Чертогах, и корону на его голову на этот раз возложат и архиепископ Ренмельский, и понтифик догматиков Иннокентий.

– Абсурд! – взорвался я, на миг позабыв об этикете. – Нелепая и невозможная выдумка! Светлейший государь не примет власти понтифика, а иначе тот никогда не провозгласит Фердинанда законным императором!

Случившийся семь столетий назад церковный раскол разделил верующих на тех, кто признал догмат о верховенстве наместника Сияющих Чертогов, и тех, кто сохранил верность изначальным традициям. Восток остался за догматиками, запад – за ортодоксами. И пусть войны веры давно канули в прошлое, а на смену им пришли редкие пограничные стычки, отношения между представителями разных религиозных течений оставляли желать лучшего.

Пойти на поклон к наместнику Сияющих Чертогов и обмануть ожидания собственных подданных? Настроить против себя всех ортодоксов разом? Невозможно! Император не безумец и не вероотступник.

Так я об этом собеседнику и заявил. Сильвио в ответ на мои слова лишь ухмыльнулся.

– У всего есть цена, – сказал он столь спокойно, словно речь шла о покупке свиных ребрышек в соседней мясной лавке. – Светлейший государь многое отдаст, лишь бы изба-

виться от диктата совета курфюрстов. Сейчас князья империи полагают его лишь первым среди равных, а коронация в Сияющих Чертогах докажет всем и каждому, что власть императора идет от самого Вседержителя!

«Если так, то лишь большая удача поможет Фердинанду дожить до коронации», – подумал я, но вслух говорить об этом не стал. Неосторожные слова будто удавка – и моргнуть не успеешь, как она затянется у тебя на шее. Тем более что насчет князей Сильвио ничего нового мне не сообщил.

Власть монарха и в самом деле была далека от абсолютной. Империя напоминала лоскутное одеяло, сшитое из королевств, герцогств, княжеств, марок, графств, церковных земель, вольных городов и рыцарских ленов. Порядок престолонаследия определяли тринадцать князей-выборщиков, и некоторые из этих влиятельных особ относились к правящей династии безо всякого пиетета. Те же герцоги Лоранийские и вовсе никогда особо не скрывали своих притязаний на трон.

И большой вопрос, хватит ли у светлейшего государя решимости одним махом сломать устоявшийся порядок вещей. Усиление императорской власти точно не обрадует крупных феодалов, а духовенство воспримет любую договоренность с понтификом догматиков не иначе как плевок в душу.

Святые небеса! Да о чем тут вообще говорить? Это всего лишь пьяный бред!

Я откинулся на мягкую спинку сиденья, подышал на озяб-

шие пальцы и негромко рассмеялся:

– Сеньор большой шутник. На миг я решил, что вы говорите серьезно. Удивите меня, расскажите о мотивах понтифика. Только не упоминайте о подкупе. Золота в казне Сияющих Чертогов водится с избытком.

– Денег много не бывает, – подмигнул южанин, но настаивать на этой версии не стал. – Да будет вам известно, магистр, что понтифик с юных лет грезит походом веры против язычников Арбеса. Монархи восточного мира не спешат ввязываться в эту авантюру, но участие империи способно их подстегнуть. Никто не сможет остаться в стороне.

Я позволил себе скептическую улыбку и покачал головой:

– Наместник Сияющих Чертогов и его кардиналы – прагматики до мозга костей. Разумеется, они все как один ревнители веры, но идти на уступки империи лишь из желания перебить в пустыне несколько тысяч солнцепоклонников...

– В пустыне?! – взвился де ла Вега. Невесть с чего мое предположение оскорбило его до глубины души, но южанин сумел взять себя в руки и произнес, надменно растягивая слова: – Магистр! Пиратский флот Арбеса господствует в западной части Каменного моря безраздельно. Мимо язычников там не проскочит даже утлая рыбацкая лодчонка. Все торговые суда забирают далеко на восток, идут к портам Золотого Серпа. Келуя, Медьяно, Зальяни полностью контролируют торговлю с Солнечным архипелагом и снимают с нее все сливки. Золото, специи, ткани, рабы... Для вас это на

другом краю света, но, быть может, стоит... расширить кругозор?

– Вы правы, сеньор, – примирительно произнес я, размышляя над тем, кому донести о странном попутчике по приезду в Стожъен, – для меня это действительно на другом краю света. Так вы полагаете, его святейшество намерен взять под контроль торговлю с Солнечным архипелагом?

– Его святейшество... – в голосе Сильвио прозвучала нескрываемая усмешка, – просчитывает ситуацию на много ходов вперед. Не удивлюсь, если взятие Арбеса он использует для разведывания сухопутного пути к Берегу Черного Жемчуга. – Южанин недобро усмехнулся и заметил: – В Гиарнии этому рады не будут, монополии на торговлю с дикарями придет конец.

– Города Золотого Серпа потеряют куда больше, – сказал я, обдумывая услышанное. – Если торговый флот пойдет напрямик мимо Арбеса, богатеть начнут порты Западного побережья.

Сильвио остро глянул на меня, кивнул и замолчал, как-то враз перегорев и потеряв всякий интерес к продолжению беседы. Да еще дилижанс дернулся, качнулся и запрыгал на кочках так сильно, что я пребольно приложился плечом о дверцу.

– Ангелы небесные! – невольно вырвалось у меня. – Ради всего святого, зачем мы съехали с тракта?

И в самом деле – экипаж повернул на лесную дорогу,

узенькую и разбитую тележными колесами. Ветви деревьев с пожухлой листвой так и заскребли по стенкам и закрепленным на крыше сундукам.

— Кучер разве не предупредил? — удивился южанин. — Перед Стожьеном он собирался заехать в какую-то деревеньку поблизости.

— Будь я проклят! — выругался я. — Стоило дожидаться почтовой кареты!

— Стоило, — согласился со мной Сильвио, надел бархатный берет и потянулся к ставне. — Вы позволите, магистр? Я собираюсь вздремнуть.

— Разумеется, сеньор, закрывайте. Смотреть в лесу все равно не на что, а так будет меньше дуть.

За время поездки я продрог до костей и пару раз даже ловил себя на желании выбраться наружу и пробежаться рядом с экипажем. И уже немного жалел, что опрометчиво отказался от великодушно предложенного попутчиком бренди.

Глинтвейн! Как только приедем в Стожьен, непременно пошлю Хорхе за подогретым со специями вином. Корица, мед, изюм, цукаты...

Какое-то время я пытался задремать, но из-за тряски несколько в этом не преуспел. Тогда вновь стал перебирать пальцами четки и не закончил еще и первого круга, как дилижанс дернулся и остановился столь резко, что нас едва не сбросило с сидений.

– Святые небеса! – не удалось сдержать мне раздраженный возглас. – Сейчас-то что?!

Прежде чем я нашарил засов и распахнул дверцу, сеньор де ла Вега беспечно усмехнулся.

– Полноте, магистр! – зевнул он, поправляя сбившийся берет. – Увязли в грязи, только и всего. Сейчас наши попутчики вытолкают дилижанс, и поедем дальше.

И точно – с улицы донеслись взволнованные голоса пассажиров из отделения для черни.

Я вздохнул и зло пробурчал:

– И надо было только сворачивать с тракта...

Выйти и помочь товарищам по несчастью мне и в голову не пришло. Не затем двойной тариф платил, чтобы месить ногами дорожную грязь. Справятся и без нас!

Не справились. В дверцу постучали, и это поразило даже сильнее неожиданной остановки.

– Неужто так сильно увязли? – нахмурился я. Сломайся ось или отвались колесо, дилижанс бы перекосило, а тут просто остановились.

– Ну что ж, магистр, – вздохнул Сильвио, – давайте облегчим работу лошадям...

Он положил скьявону на сиденье, я тоже вещи брать не стал, толчком распахнул дверцу и выпрыгнул на дорогу. Подошвы проломили корку подмерзшей грязи, под ногами мерзко чавкнула бурая жижа. Я поспешно переступил на чистое место, тряхнул сапогом и лишь после этого посмотрел

на сгрудившихся у дилижанса пассажиров, их неестественные позы и перекошенные от страха лица. Сразу подался назад, но наткнулся спиной на южанина и замер с разведенными в стороны руками.

А кто бы на моем месте не замер? Нацеленный в грудь арбалет не тот аргумент, который проигнорирует разумный человек. Да и не всякий неразумный рискнет дернуться. Жизнь дороже.

– Грабки к солнцу, оба два! – потребовал худой дядька с волчьим взглядом – тот самый бродяга, которого мы подобрали по дороге.

Каторжанский жаргон в заблуждение не ввел: обычным ограблением здесь и не пахло. Недаром скалился в бороду дюжий охранник и поигрывал кистенем кучер, а юнец-форейтор хоть и приглядывал за лошадьми, но за пояс у него теперь были заткнуты потертые ножны с пехотным тесаком.

– Не дурите, сеньоры, и никто не пострадает, – обнажил кучер в насквозь фальшивой улыбке гнилые зубы и резко крикнул: – Оружие не хватай! Не хватай, я сказал!

Бродяга перевел арбалет на Сильвио, и тот поспешно отвел руку от пояса с дагой. Я воспользовался okazjiей и отступил к своим товарищам по несчастью.

Те все как один были людьми дородными, таких болт насквозь не прошьет, в мясе засядет. А пока самострел не разрядят, до леса бежать нельзя: дилижанс будто нарочно остановили точно посреди поляны. Что от одной обочины, что от

другой деревья отступали никак не меньше чем на двадцать шагов. Да и кусты с редкими пожухлыми листьями и строевые сосны не лучшее укрытие от преследователей. Затеряться среди них не выйдет.

Ангелы небесные! Раньше мне ничего не стоило отвести болт в сторону одним лишь усилием воли, сейчас же пришлось идти на всяческие ухищрения, лишь бы только коснуться небесного эфира. Без предварительной подготовки ущербный колдовской дар помочь в скоротечной схватке не мог.

Хорхе кинул на меня быстрый взгляд, я в ответ едва заметно кивнул. Случайные лесные разбойники еще могли отпустить обобранных до нитки жертв, а этим ловкачам живые свидетели – что кость в глотке. В лучшем случае полоснут ножом по горлу – и в канаву.

– Грош, не спи! – скомандовал кучер, и тут же кто-то выдернул из ножен на поясе мой кинжал.

Ехавший с нами румяный молодчик шагнул к Сильвио, но обезоружить дворянчика не успел. Хорхе в один миг очутился у него за спиной и приставил к горлу кованую бритву. Когда он успел ее раскрыть, не заметил даже я.

– Мы уходим, сеньоры! – объявил слуга, стоило лишь мне укрыться за ним от стрелка.

Бородач шагнул, занося топор, и Кован рявкнул:

– Назад!

Бритва надрезала кожу, по шее молодчика заструилась

кровь, и громила замер на месте. Я потянул слугу за плечо, направляя того к распахнутой дверце отделения для благородных. Наш маневр не укрылся от разбойников, и арбалетчик зло процедил:

– Сейчас ты у меня схлопочешь...

– По ногам! – испуганно взвыл кучер. – Иначе сам в круг ляжешь!

Стрелок замешкался, и я проворно юркнул внутрь дилижанса. Хорхе нашарил ногой ступеньку и встал на нее, заставляя молодчика приподняться на цыпочки.

– Давайте разойдемся по-хорошему... – заискивающе предложил выступивший вперед кучер, и Кован тычком в спину отправил ему в объятия ненужного больше пленника. Бритву от шеи он при этом не отнял, и острейший клинок вскрыл горло словно бумагу. В лицо остолбеневшему мужику ударила тугая струя крови.

– Тварь! – взвыл кучер. – Порву!

Но поздно. Хорхе уже заскочил ко мне, рывком захлопнул дверцу и запер на засов. Я задвинул щеколды ставни и принялся шарить руками в поисках упавшего на пол саквояжа.

– Разожги светильник! – приказал я слуге, отыскав сумку. – Быстрее! – а сам вытащил и устроил на коленях деревянный футляр.

Кто-то из лиходеев дернул на себя запертую дверцу; запор выдержал, тогда шибанули обухом топора ставенку окошка. И вновь – безрезультатно. Но это пока. Очень скоро разбой-

ники опомнятся и примутся выковыривать нас из дилижанса, как в голодные годы выковыривают кметы из панцирей улиток и устриц. Время терять нельзя.

– Хорхе, шевелись!

Кремень стукнул о кресало раз, другой, и всполохи искр сменились едва уловимым отсветом затеплившегося на фитиле огонька. Светильник разогнал тьму, и я откинул крышку футляра. Внутри на сафьяновой подложке лежали пара колесцовых пистолей, две медные пороховницы – большая и малая, заводной ключ на длинной ручке и мешочек с пулями.

Кован ухватил скьявону южанина и обнажил широкий клинок, оценивающе взвесил его в руке. Болтали, будто *дети ветра* рождаются с ножом в руке, а Хорхе был плоть от плоти своего народа, пусть и оставил вольную жизнь перекаати-поля, поступив ко мне на службу пять лет назад. Несмотря на преклонные годы, в грязной уличной рубке он мог неприятно удивить любого.

Послышались крики и ругань, донесся отзвук смачной оплеухи, а потом шум стих и в дверцу постучали.

– Открывайте! – потребовал кучер. – Монеты заберем, зато живыми останетесь!

Я уже заряжал пистоль и откликнулся лишь из желания потянуть время:

– Нам нужны гарантии!

– В глотку их тебе забью, сволочь! – рявкнули за дверцей,

и я узнал голос бородатого охранника.

Послышалась возня, словно буяна оттаскивали от дилижанса, и вновь заговорил кучер.

– Будьте благоразумны! – принялся увещевать он нас. – Отдайте оружие и деньги и проваливайте подобру-поздорову. Не заставляйте ломать дверь, не доводите до греха! Лучше лишиться кошелька, чем жизни!

Пускать в ход топор лиходею не хотелось: и доски добротные, с такими придется повозиться, и порубленная дверца в глаза бросаться будет.

– Точно отпустите? – уточнил я.

– Провалиться мне на этом месте!

– Провалишься... – тихонько выдохнул я, отложил на сиденье заряженный пистоль и попросил: – Нам надо все обдумать!

И снова взъярился охранник.

– В заповеделье думать будешь, гад! – крикнул он, и на этот раз подельники оттаскивать и успокаивать бузотера не стали.

Тук! Дверца дилижанса дрогнула, встопорщилась щепой.

Тук! Из досок выглянул краешек топора. Клинок дернулся, пропал и вновь шибанул в дверцу, теперь куда ближе к запору.

– Быстрее, магистр! – поторопил меня Хорхе Кован. Обветренное и морщинистое лицо слуги закаменело и осунулось, но клинок в его руке нисколько не дрожал.

Тук!

Я схватил пороховницу со сложной вязью нейтрализующих магию писем на медных боках, насадил ее на ствол пистоля, провернул, и сложный механизм с тихим скрежетом отмерил нужное количество пороха. Вдавить увесистый свинцовый шарик в дуло помогла латунная головка заводного ключа, а его длинная прямая ручка прекрасно сгодилась для проталкивания пули в ствол. Раз – и готово!

Тук! На этот раз топор угодил совсем рядом с запором, и тот опасно выгнулся. Ну же! Клятая железяка, продержись еще немного! Дрожащие руки со второй или третьей попытки насадили головку ключа на взводной шпindel и нервным рывком завели тугую пружину колесцового замка. Кранк!

Шторка отодвинулась, и я поспешно прижал к полке медный цилиндр малой пороховницы. Подпружиненный штырек ушел в корпус, просыпался затравочный заряд. Потянув за гнутую ручку, я опустил курок, и пружина надежно зафиксировала прижатый к боковине стального колеса кусочек кремня.

Дверцу резко дернули, но засов выдержал, и последовал очередной удар топором. Да чтоб вас разорвало!

– Магистр? – нервно оглянулся на меня Кован. – Вы готовы?

Я скинул с плеч плащ, взял пистоль с покрытым магическими формулами стволом в левую руку, в правой зажал его брата-близнеца и во всю глотку рывкнул:

– Довольно! Мы сдаемся!

Удары смолкли, и после недолгой паузы последовал приказ:

– Отпирайте и бросайте оружие!

– Нам нужны гарантии! – крикнул я в ответ и негромко распорядился: – Хорхе, тяни время...

А сам закрыл глаза и обратился к незримой стихии. Без предварительной подготовки сделать это оказалось непросто: эмоции людей до предела взбаламутили эфир, тот тек и дрожал, искажая перспективу и заставляя терять ориентацию. Когда же наконец удалось отрешиться от искажений, истинное зрение различило горевшие в серой взвеси пятна аур.

Двое у кареты, один поодаль, еще один затаился на крыше.

Неподалеку виднелась группа не столь ярких эфирных тел, но сейчас судьба товарищей по несчастью меня несколько не волновала. В любом случае помощи от попутчиков ждать нечего, придется справляться самим.

Впрочем, двое против четырех – не столь уж и безнадёжный расклад. Знать бы только, где стоит арбалетчик! Отошел он от кареты или забрался наверх? Как поступил бы на его месте я сам?

Из транса вырвал резкий отзвук удара; от неожиданности я вздрогнул, но на этот раз по доскам просто приложились обухом топора.

– Открывайте живее! – рывкнули снаружи. – Бритву кидайте! И палаш дворянчика! Ясно вам? А то болт всадим!

– Хорошо! – крикнул я в ответ, переждал, пока отпустит головокружение, и потуже затянул на левом запястье янтарные четки. – Хорхе, открывай. Только учти – кто-то забрался на крышу.

Слуга заколебался и уточнил:

– Стоит ли, магистр?

– А какие варианты? – вздохнул я. – Открывай, мы им для чего-то нужны живыми...

Кован кивнул и сунул в рукав засапожный нож, а скьявону и бритву выложил на край лавки.

– Мы выходим, сеньоры! – оповестил он разбойников, сдвинул погнутый засов и толкнул дверцу, но той не дали распахнуться, придержав снаружи.

– Оружие! – потребовал навалившийся на дверцу бородач. Смерть поделника напрочь отбила у него всякое желание рисковать.

К моему величайшему сожалению, через узкую щель не получилось ни оценить обстановку, ни понять, где затаился арбалетчик.

Где же эта сволочь?!

– Оружие! – вновь рывкнул бородатый охранник.

Хорхе Кован с сомнением оглянулся на меня, дождался кивка и послушно выкинул в щель оба клинка.

– Больше ничего нет? – спросил охранник. – Соврете –

ноги отрублю и подышать брошу!

– Да все это! Все!

Дверцу отпустили, бородатый детина поспешно отступил назад и перехватил обеими руками топор. Рядом с ним неуверенно переминался с ноги на ногу юнец-форейтор, он никак не мог решить, замахнуться ему тесаком или просто выставить клинок перед собой.

В дюжине шагов от них замер подобранный на тракте бродяга.

– Руки на виду держать! – нервно потребовал он, нацелив на нас арбалет. – На виду, я сказал!

Кован показал раскрытые ладони.

– Спокойней, сеньоры! – криво улыбнулся он.

– Спокойней?! – взвился охранник. – Да будь моя воля, я б тебя прямо здесь порешил, старый ублюдок! – Он сплюнул на землю и потребовал: – Шевелись, тварь! – но сам подходить к дилижансу не стал, опасаясь загородить нас от стрелка.

А Хорхе не спешил, давая мне время осмотреться. Я замер на самом краешке сиденья и буквально прикипел взглядом к арбалетчику. Тот отошел от дилижанса, насколько смог, отступить дальше помешали припорошенные снежком деревья. Но пятнадцать шагов – дистанция пустяковая, лишь бы не случилось осечки...

– Живей! – прикрикнул бородач и, потеряв терпение, шагнул к дилижансу.

Кован спрыгнул в дорожную грязь и присел на корточки. На удар сердца внимание разбойников сосредоточилось на слуге; я вытянул правую руку и дернул пальцем спусковой крючок. Стремительно крутнулось стальное колесо, сыпанул искрами кремень, пыхнул белым дымком затравочный заряд. И сразу – выстрел!

Пистоль плюнул огнем прямо в лицо обомлевшего бородача, пуля прошла впритирку с его ухом и миг спустя угодила в голову арбалетчика. Стрелок рухнул как подкошенный, припорошенную снежком землю забрызгала алая кровь.

Перепуганные лошади рванули с места, и я едва не полетел в дорожную грязь, лишь в последний миг успел соскочить с подножки и устоять на ногах. На миг все кругом заволокло пороховым дымом; я выкинул разряженный пистоль и ринулся через серую пелену.

– Замерли, твари! Пристрелю!

И пристрелил бы, но братъ грех на душу не пришлось. Обожженный и оглушенный охранник дилижанса и без того уже выронил топор и зажал ладонями глаза, а паренек-форейтор испуганно взвизгнул и отбросил тесак. Дать нам отпор у юнца оказалась кишка тонка, а вот рухнувший с крыши дилижанса кучер злобно ощерился и потянулся за кистенем.

Впрочем, сразу одумался и выкинул оружие на обочину. Ничего другого ему попросту не оставалось: Кован уже завладел арбалетом, да еще откуда-то сбоку выскочил де ла Вега. Южанин поднял мой валявшийся в грязи кинжал и за-

мешкался, не зная, как быть дальше.

Я мельком глянул на других пленников: все они были живы и здоровы, просто связаны по рукам и ногам.

Фореитор придерживал за руку скорчившегося от боли бородача, опасности эта парочка не представляла. А вот кучер вполне мог выкинуть какой-нибудь фортель.

– Ты! Быстро ко мне! – приказал я кучеру, а миг спустя в спину мягко толкнулась эфирная волна. Затеиливые посеребренные символы на граненом стволе пистоля засветились, блокируя призванные выжечь пороховой заряд чары, и заклинание кануло втуне.

Заклинание? Откуда?!

Я резко обернулся, и в тот же миг незримая стихия вскипела, лопнула, плюнула белесым сгустком эфира. В примитивное усыпляющее заклинание оказалось вложено столько силы, что его разглядел даже Сильвио. Южанин отпрыгнул от меня, влетел в кусты и распластался на палой листве.

Я последовать его примеру никак не успевал. Да и не собирался! Вместо этого перехватил эфирный сгусток левой рукой, и в раскрытую ладонь словно врезалось невидимое ядро. Удар оказался столь силен, что меня едва не развернуло на месте. Взять под контроль чужое заклинание не удалось, получилось лишь отвести его от себя. Да еще за краткий миг контакта я успел порвать пару энергетических нитей и сместить центральный узел. Молочная белизна сгустка сменилась серостью могильного савана, отлетевшие от меня

чары врезались в парочку пятившихся к лесу лиходеев и выжгли их души. На подмерзшую дорожную грязь упали два безжизненных тела.

Тут же щелкнул арбалет, и вслед за фореитором и охранником в запределе отправился кучер. Прохвост рискнул выхватить из-за пояса нож, но Кован оказался быстрее.

За деревьями почудилось смазанное движение, я повел рукой, взял небольшое упреждение и выстрелил. Полянку вновь заволокло дымом; пуля сбила с куста пожухлые и прихваченные морозцем листья, а затем с глухим стуком угодила в сосновый ствол. Промах!

Порыв ветра разметал остатки дыма и снес их в сторону. Я выдохнул беззвучное проклятие и замер в ожидании ответной магической атаки, но колдун не решился продолжать схватку и рванул в чащобу. Судя по затухающим колебаниям эфира, отвлекающим маневром бегство не было. Удрал, стервец! Удрал!

Горожанка визжала как оглашенная, я не выдержал и рявкнул:

– Заткнись, дура! – а когда тетка осеклась, уже спокойней попросил южанина: – Сеньор, освободите людей.

Сильвио миг поколебался, затем кивнул и поспешил к пассажирам, лежавшим на земле со спутанными запястьями и лодыжками.

– Хорхе, не зевай! – крикнул я, поднял с дороги разряженный пистоль и побежал к замершему на обочине дилижансу.

Переднее правое колесо угодило в канаву, это и помешало лошадям утащить экипаж дальше. Коняги испуганно фыркали и прядали ушами, но уже не рвались с места.

Я заскочил в кабину, вытянул из саквояжа холщовый подсумок, покидал в него пороховницы, мешочек с пулями и заводной ключ. Без промедления выбрался наружу и отошел на середину дороги.

Колдун вполне мог вернуться; адепты тайных искусств склонны и в грош не ставить простецов. Шибанет чем-нибудь мощным по дилижансу и развеет в пыль; даже дернуть-ся не успею.

– Ваш кинжал, магистр! – подбежал ко мне Хорхе.

– Смотри в оба! – приказал я, сунул клинок в ножны и принялся заряжать пистоль. Отвлекся на уже освобожденных от пут пассажиров и рывкнул во всю глотку: – Не стойте столбом! Выталкивайте дилижанс!

– Я могу чем-то помочь, магистр? – спросил растерянный Сильвио.

– Присмотрите за ними! Не ровен час, без нас уедут! И умоляю, ничего не говорите о колдуне!

Силушки мастеровым не занимать, справятся с экипажем в два счета, а страх иной раз толкает на самые безумные поступки. Перепуганных простецов не остановит угроза неминуемого воздаяния, сначала они уберутся подальше и лишь потом задумаются о последствиях опрометчивого поступка. Хотя... скорее, просто напьются.

Сунув приведенный к бою пистоль за пояс, я занялся вторым и для начала выбил из ствола попавшую туда грязь и обтер запальную полку. На руку сыграл утренний морозец; в противном случае так легко очистить оружие не вышло бы. Повезло! Сейчас время буквально на вес золота: если заклинатель успеет подготовиться, придется лихо.

Глупо бежать вдогонку за колдуном? Ангелы небесные! Мне ли этого не знать? Но и дать ему уйти я попросту не мог. Пороховница. Пуля. Ключ. Запальный заряд. Курок! – Магистр, мы готовы ехать! – окликнул меня де ла Вега. – Ждите! – отозвался я, поднимаясь на ноги. – Сейчас вернусь.

– Ноги бы отсюда унести... – проворчал Хорхе Кован, который отнюдь не горел желанием участвовать в этой авантюре.

– Оставайся! – распорядился я и перекинул ремень под-сумка через плечо. – Справлюсь сам. Сам, сказал! Только помешаешь!

Слуга кивнул, а вот Сильвио отреагировал на мои слова со свойственной южанам экспрессией.

– Преследовать колдуна? – прошипел он, приближаясь. – Это безумие, магистр! Одумайтесь!

Я не стал вступать в бессмысленный спор и продрался через кусты, безжалостно ломая ветки и обрывая прихваченную морозцем листву. Снег едва-едва покрывал землю, из него торчал сухой бурьян, и отыскать следы беглеца получи-

лось не сразу. Но – отыскал, благо под высоченными соснами оказалось светло, даже несмотря на затянутое серой пеленой небо.

– Это безумие! – вновь донеслось от дороги.

Безумие? Вовсе нет, всего лишь работа.

Я бежал меж деревьев с пистолем в руке. Под ногами шуршала трава и хрустел валежник, затем на глаза попалась извилистая тропка. Снег там пестрел отпечатками подошв, но я продолжил двигаться меж деревьев. Пусть и приходилось то и дело уклоняться от сучьев, зато был не так высок риск угодить в расставленную колдуном ловушку. Много ума не надо протянуть над тропинкой какую-нибудь гадость...

А вот попасть в засаду я нисколько не опасался. Потревоженное эфирное поле успокоиться еще не успело, затухающие колебания доносились издали, откуда-то из самой чащи леса. Беглец не потрудился заглушить биение внутренней энергии – либо не посчитал нужным, либо попросту не успел, и теперь незримая стихия вскипала и колыхалась в такт ударам его сердца.

До меня докатывались едва уловимые отголоски этих искажений, но хватало и этого. Я взял след. Азарт придал сил, истинное зрение раскрасило осенний лес в недоступные простецам цвета, мир стал понятен и прекрасен. У колдуна не было никаких шансов спрятаться от меня. Отыщу стервеца даже на дне морском!

На глаза попались протянутые меж деревьев призрачные нити; заклинатель все же оставил ловушку, вполне способную погубить неосторожного преследователя. Влетишь, запутаешься, да так и останешься висеть ссохшейся мумией. Даже зверье кости обглодать побрезгует.

Запалить усилием воли порох или усыпить человека мог любой ритуалист, в этих же нитях чувствовалась магия темная и запретная. Удивляться тут нечему – а кто еще свяжется с душегубами? – но прежде у меня теплилась надежда, что на большой дороге решил пошалить какой-то недоучка. Ан нет, не судьба.

– Святые небеса! – выдохнул я и замедлил шаг, став куда внимательней поглядывать по сторонам.

И даже так биение чужой силы понемногу усиливалось; колдун больше не убегал. Уверился в собственной безопасности или поджидает преследователей? Кто бы подсказал...

Деревья неожиданно расступились, и над небольшой прогалиной показалось пасмурное небо, дальше топорщились сухими ветвями мертвые сосны, белел припорошенный снегом поваленный ствол. Густой подлесок темнел бурой листвою, обзор сократился до пары десятков шагов. Всюду валяжник, рыжий бурьян да голые ветви облетевших кустов. И тропа.

Незримая стихия по-прежнему подрагивала, потревоженная энергетикой беглеца, отыскать его не составляло никакого труда, но я не спешил. Эфирное поле уплотнялось и оку-

тывало липкой незримой паутиной, теперь оно ощущалось буквально физически. Протяни руку – и прикоснешься. Но прикасаться не хотелось.

Впереди было *место силы*. Эманации потустороннего пронизывали все кругом, грели жаром незримого светила, дурманили сознание и сбивали с толку. Лишенные дара простецы не могли долго противостоять этому пагубному воздействию; они теряли над собой контроль и творили в подобных местах жуткие вещи. А на кровь, страх и боль будто акулы из глубины являлись обитатели запределья. Бестелесные духи мне не страшны, но чернокнижник – не простец, он может докричаться до кого-то действительно опасного.

– Ангелы небесные! – тихонько охнул я и начал забирать правее, огибая урочище по лесу против хода солнца.

Заметив дрожавшую на ветру осинку, зажал пистоль под мышкой и кинжалом срезал две ветки. Одну сразу убрал в сумку, на коре другой острием клинка быстренько накидал примитивную формулу, сложностью едва ли превосходящую наговоры безграмотных деревенских ведьм. Зуд в левой руке после касания эфирного сгустка так до конца и не прошел; если ситуация выйдет из-под контроля, жезл – даже столь убогий – лишним точно не будет.

Колыхания незримой стихии становились все резче и обрывистей, и я двинулся к эпицентру искажений, заходя с севера. Неглубокий овраг привел к прогалине, посреди которой торчала расщепленная ударом молнии сосна. Давниш-

ний пожар изрядно проредил подлесок, всюду из снега торчал бурьян. Тут и там синели пожухлые цветки василька, желтел сухой хвоей погибший куст можжевельника.

Близость запределья ощущалась все явственней; меня то бросало в жар, то охватывал противоестественный холод. Во рту появился привкус крови – а скорее, даже воспоминание о нем! – торс прострелила боль от давным-давно зажившего шрама. И левая рука... Ее словно жалила стая невидимых ос; пальцы свело судорогой, и мало-помалу боль начала захлестывать плечо и подкатывать к шее.

За что не люблю чернокнижников, так это за эгоизм. Призывают силы, которые и осмыслить не в состоянии, а мне страдать...

Я достал срезанную ветку осины, закусил ее, и рот тут же наполнила неприятная горечь, зато прояснилось сознание. Фантомная боль отступила, вернулась четкость мысли. Насколько получилось, я закрыл от внешнего воздействия свое эфирное тело и осторожно двинулся дальше.

Место силы обнаружилось в распадке между двумя поросшими лесом пригорками. В самом его центре из земли проглядывала гранитная плита, вокруг высились стволы мертвых сосен с растопыренными в разные стороны сучьями-лапами. Они казались сказочными чудовищами, но опасаться сейчас стоило вовсе не мифических персонажей...

Обходной маневр полностью оправдал себя: к чернокнижнику удалось подойти со спины. В камзоле и с непокрытой

головой он стоял на коленях и быстро водил по камню перед собой колдовским жезлом. Каждый жест ритуалиста буквально прорезал пространство, бурый гранит расчерчивали оранжево-красные линии.

В давние времена суеверные кметы наверняка приносили здесь жертвы своим выдуманым покровителям, а потом в один недобрый день кто-то из знающих людей зачерпнул слишком много силы, и его объятая пламенем душа рухнула прямиком в запределье. Так и появилась червоточина, связавшая реальность с ее изнанкой.

В распадке понемногу сгущался туман, слышались шепотки растревоженных духов, краем глаза я то и дело ловил смазанные движения. Но серебро выгравированных на стволах пистолей формул пока лишь едва заметно светилось, и я не стал действовать наобум. Вместо этого укрылся за сухим стволом и принялся изучать обстановку, стараясь не упустить ни малейшей детали.

Ритуальная плита располагалась в центре вписанной в круг гексаграммы; наложенные друг на друга треугольники вычертили, посыпав снег горячим пеплом. Разворошенный костер еще слабо дымил, поблизости валялись брошенные на землю плащ и дорожная сумка.

«Сам в круг ляжешь», – вспомнился окрик кучера, и я кивнул. Шесть лучей и центр звезды – это семь жертв: как раз я и Хорхе, а еще южанин, горожанка с отпрыском и пара мастеровых. Но людей на заклятие больше нет, и все же кол-

дун от ритуала не отказался. На что он рассчитывает? Князя за пределами обожали кровавые подношения; в обмен на души смертных они щедро наделяли чернокнижников силой, а что сейчас может предложить им ритуалист, кроме себя самого? Глупец!

Ирония судьбы – придется спасти заклинателя от участи, которая много горше утопления в проточной воде! Если начистоту, я уж точно не возражал бы, окажи кто-нибудь подобную услугу мне самому.

Чернокнижник казался целиком и полностью поглощен ритуалом, но беззащитным при этом отнюдь не был: вокруг него колыхались призрачные жгуты силы. Подобно щупальцам обитавшей в южных водах актинии они беспрестанно двигались и проверяли пространство – подойду и увязну в безнадежной схватке с магической охраной. А значит, придется стрелять. Пуле такая защита не помеха.

Туман еще больше сгустился, в нем замелькали призрачные тени, и стало ясно, что медлить больше нельзя. Сунув надкушенную ветку осины обратно в подсумок, я оперся о дерево, устроил ствол пистоля в сгибе левой руки и медленно выдохнул. Эфирное поле дергалось и колыхалось, его волны накатывали теперь уже беспрестанно, грань между мирами истончалась все сильнее. Прежде чем потянуть спуск, пришлось ждать и выгадывать подходящий момент. Чутье не подвело, выстрел грянул точно в мимолетное затишье. Пуля серебряным росчерком сверкнула в сгустившемся эфире,

и буйство незримой стихии не отклонило свинцовый шар в сторону, он попал точно в цель.

Чернокнижник вскрикнул и повалился на камень с простреленным бедром; без раздробленной кости дело точно не обошлось. Боль заставила колдуна потерять контроль над собственными чарами, и жгуты призрачной защиты мигнули и погасли.

Я сунул дымящееся оружие в подсумок и зашагал к начерченной на снегу звезде, на ходу вытянул из-за пояса второй пистоль. Пусть заклинатель и корчился на земле, но даже загнанная в угол крыса бывает опасна, что уж говорить о людях.

Ритуалист – совсем молодой еще парень со стянутыми в косицу светло-русыми волосами бился на земле, подвывая и зажимая ладонями кровоточащую рану. Колдун едва не терял сознание от боли, его ауру пронзали резкие алые вспышки. Я ускорил шаг, намереваясь наложить жгут, но чернокнижник вдруг перевернулся на живот и лихорадочными мазками собственной крови принялся завершать нанесенную на плиту схему. И тотчас оранжево-красные линии налились недобрым багрянцем.

Наша жизнь – непрерывный выбор. Мы сами решаем, готовиться к экзаменам или всю ночь пить с друзьями вино, мудро промолчать или ответить наглему на оскорбление, отступить или добиться поставленной цели. Иной раз у нас есть время все хорошенько обдумать, иногда контроль над телом

берет бессознательное – то, что ученые мужи именуют мудреным словом «рефлексy».

Сейчас в дело вступили именно они. Я не колебался и не медлил, не думал и не целился, просто взял и выстрелил навскидку. Какую бы сделку ни намеревался закрепить своей кровью чернокнижник, сделать он ничего не успел. Пуля угодила в затылок, и человек рухнул ничком на гранитную плиту. Жаль! Очень жаль!

Волнения незримой стихии начали понемногу стихать, но эфир по-прежнему оставался слишком плотным, через него приходилось буквально продираться. Голова закружилась, призрачные голоса в ней и не думали умолкать. Волосы зашевелились на затылке от недоброго предчувствия.

Окинув взглядом нарисованную на снегу звезду, я без малейшей опаски ступил внутрь и перевернул безжизненное тело на спину. Выходное отверстие изуродовало лицо, светлая челка и короткая русая бородка слились от крови. Мерзкое зрелище. Теперь уже и не поймешь – встречались раньше или нет.

Университетский перстень? На правой руке покойника никаких колец не было, а вот левая оказалась сжата в кулак, и стоило лишь мне вывернуть худое запястье, по граниту покатился янтарный шар размером с куриное яйцо. Всю его желтовато-красную поверхность покрывала вязь затейливых узоров, самым крупным и четким из которых оказался солярный символ – восьмилучевая свастика. Ангелы

небесные! Еще и язычник!

Я потянулся к странному амулету, но тот засветился изнутри и начал плавиться, терять форму и растекаться по камню. Заключенная в странном артефакте сила высвободилась, набежала горячей призрачной волной, исказила эфирное поле. Туман за клубился и начал быстро затягивать сухие сосны. Стемнело вмиг.

Я успел разве что помянуть недобрым словом мертвеца, а расплавленный янтарь уже полыхнул синим пламенем, окрасил все кругом в лазурные и бирюзовые тона. И как-то сразу стало ясно – злобному недоумку все же удалось открыть проход в нереальность и докричаться до обитателей тамошних хтонических глубин.

Тело чернокнижника дрогнуло, и вновь я действовал без малейших колебаний. Выхватил из под сумки надкусанную осиную ветвь и со всего маху воткнул ее заостренный конец в шею покойника. Почудился разочарованный выдох, тело обмякло и неподвижно распласталось на земле. Мертвая плоть вновь стала мертвой плотью.

Янтарный амулет прогорел и погас, но это уже не играло никакой роли. Потустороннее рывком ворвалось в наш мир, и первыми явились обитатели его верхнего слоя, обычно именуемого теологами чистилищем.

Серые тени вынырнули из-под земли, соткались в туманные фигуры, заметались в поисках добычи, обожгли меня случайными касаниями. От неожиданности я вздрогнул и на

какой-то миг утратил контроль над собственными эмоциями.

Безмозглый кретин! Духи уловили присутствие смертного, ощутили растерянность и страх. Вслепую навалились, попытались иссушить эфирное тело и сожрать душу, но я уже переборол непростительную слабость и очистил сознание от панического желания броситься наутек. Полученные в университете знания помогли выставить ментальные щиты и полностью закрыться от взбесившейся незримой стихии.

Самоконтроль. Все дело в самоконтроле.

Получившие отпор души грешников в ярости заметались в тумане, завывали, заголосили на сотни беззвучных голосов. Не в силах отыскать меня, они угрожали, льстили, сулили исполнить любые желания, обещали наделить невиданным могуществом. Я не верил ни единому их слову – предадут и обманут! – и медленно пятился от гранитной плиты.

Самоконтроль. Главное – самоконтроль.

Если не совладаешь с собственными страстями, не скрутишь в бараний рог эмоции и не выжжешь ростки паники, навеки сгинешь в потустороннем мороке. И хорошо если просто сгинешь, а не утянешь за собой других.

Жар запределья опалял все сильнее, туман окутывал холодом и пытался заморозить. Незримую стихию искажали emanации зла, и духи понемногу перестали быть призрачными тенями, они напивались силой и стремились принять свой былой материальный облик.

И пусть заблудшие души были не слишком опасны для знающего человека, вслед за ними в открытую дверь мог пройти кто-то несравненно более могущественный. У каждого места силы был хозяин, а князь запределья не чета духам. Для древних волшебников, чья железная воля некогда проломила границу между мирами, выпить чужую жизнь не составит никакого труда. Века пребывания во тьме преумножили их могущество, изуродовали разум и превратили в нечто невообразимое, желавшее хоть на миг вновь ощутить себя живым. И не важно, скольким людям придется ради этого мига умереть.

И даже хуже, чем просто умереть, – души несчастных навеки канут в запределье, превратятся в игрушки потусторонних владык, станут их драгоценными трофеями и фетишами. Небеса не дождутся их, Вседержитель не примет под свою десницу, эфир не исцелит душевных ран и не наполнит сознание нескончаемой радостью. Герой или праведник – не важно. То, что кануло в запределье, останется там навсегда. И осознание этого факта причиняло мне физическую боль.

Вырвавшись из липких объятий тумана, я развернулся и бросился бежать по собственным следам. Выскочил на давшую прогалину и поискал взглядом полынь или тысячелистник, но те в лесу не росли. Пришлось довольствоваться васильками и крапивой, да еще набил подсумок сухими ветками можжевельника. И кинулся обратно к жертвенному камню.

Да! Место силы как язва на теле нашего мира, нельзя оставить все как есть. Надо запечатать его, пока не случилось большой беды.

— Помоги мне, Вседержитель! Ангелы небесные, не оставьте заботой своей...

И знаете что? Они и не оставили.

Когда я вернулся к гранитной плите, туман еще не успел добраться до потухшего костра и эманации запредельного не извратили жар углей, не отравили его своей потусторонней заразой.

Я вывалил на кострище ветви можжевельника, придавил их и подул, не спуская взгляда с места силы. Реальность дрожала там и выгибалась; нечто невообразимое пыталось проникнуть в наш мир, будто всплывал и никак не мог вырваться из объятий ила долгие века пролежавший на дне морском левиафан.

Молочная пелена приблизилась, ее белесые отростки раскинулись во все стороны, но как раз в этот миг сухая хвоя вспыхнула ярким огнем, стремительным и чадящим. Я едва успел кинуть сверху охапку сорванной на поляне травы. Стебли загорелись, но почти сразу костер погас и от него повалил густой дым. И тогда туман стал просто туманом. Метавшиеся в нескончаемой агонии души грешников отступили, пусть ненадолго и недалеко.

Вытащив из подсумка заготовку волшебной палочки,

я ткнул ею в угли, выждал, пока конец не закурится дымком, и повел рукой, подцепляя сгустившийся эфир. Тот неохотно потек, и несколькими набросками мне удалось соткать в воздухе семиконечную звезду. Затем пришел черед второстепенных фигур и вспомогательных символов. Поначалу с ними не возникало никаких проблем: туман и дым оказались прекрасными помощниками — они позволяли визуальнo контролировать рисунки и не полагаться на одно лишь истинное зрение. Но дойти до финальной стадии ритуала оказалось отнюдь не просто. Угли на осиновой ветви начали гаснуть, и мой сделанный на скорую руку волшебный жезл стал куда хуже прежнего взаимодействовать с незримой стихией. Эфир срывался с него, фигуры смещались и не желали становиться в правильные позиции, некоторые символы и вовсе развеивались, стоило только переключить свое внимание на что-то иное.

Святые небеса! Умение работать напрямую с эфиром без инструментов и обрядов — вот признак истинного мага, одного из тех, кого именуют маэстро. А я... Я просто жалкий ритуалист!

Обида на всех и вся, раздражение и сожаление о недостижимых возможностях лишь на краткий миг раскололи скорлупу моей сосредоточенности, но хватило и этого. Туман забурлил и породил на свет светловолосого молодого человека, высокого и плечистого. Призрак не был писанным красавцем, лицо портили узкая челюсть и тонкие губы — невесть с

чего люди полагали их свидетельством безвольного характера. Отчасти ситуацию исправляли благородный прямой нос, высокий лоб и правильный разрез глаз – некогда синих, а теперь – молочно-белых под стать затянувшей все кругом пелене.

Я с первого взгляда узнал потустороннего гостя. Да иначе и быть не могло: сложно не узнать самого себя, пусть и помолодевшего на добрых пять лет.

– Ты убил меня! – зло крикнул призрак. – Ты убил меня столь же верно, как если бы воткнул в сердце нож! Из-за тебя я впутался в это дерьмо!

Из-за меня?! Я буквально задохнулся от возмущения и обиды. Безумно захотелось рывкнуть в ответ, что он сам выбрал свою судьбу, что всему виной его собственная гордыня, но миг слабости уже прошел. Я стиснул зубы и невероятным усилием воли заставил себя промолчать.

Самоконтроль! Никто и ничто не заставит меня утратить самоконтроль! А слезы на глазах... Это все дым. Едкий дым, не более того.

Доппельгангер шагнул ко мне, но я предугадал это движение и отступил за костер. И последующий рывок призрака тоже предугадал, успев за миг до того со всей силы пнуть прогоревший можжевельник и продолжавшую чадить траву.

Взметнулись искры, и морок сгинул, личина сползла с мертвого чернокнижника, неизменными остались лишь молочно-белые глаза. Тварь отшатнулась и едва не упала, но

сразу восстановила равновесие. Наклонилась вперед, подобралась для прыжка...

В университете обучение работе с жезлами большей частью прошло мимо меня, тут же я превзошел самого себя. Хитрый финт кистью, быстрое вращение и рывок, словно выуживаешь из реки рыбу!

Обломок осиновой ветки зацепил эфир, дернул, намотал и смешал с дымом. Он заменил мне и прялку, и веретено, помог свить энергетическую нить и послужил рычагом, когда я хлестнул метнувшуюся в атаку нежить.

Плеть накрутилась на шею мертвеца, обратное движение оторвало изуродованную голову, и та улетела прочь, бесследно канув в тумане. Тело упало, а следом осыпалась невесомым пеплом осиновая ветвь; обычная палка просто не была рассчитана на столь мощный поток силы. Я остался без инструмента.

Зависшие в воздухе эфирные фигуры дрожали и понемногу развеивались. Эманации запределья ощущались все явственней, пространство искажалось под их воздействием, мир словно закручивался в воронку. Точнее, не мир, нет – в воронку затягивало меня самого.

На изготовление нового жезла не оставалось времени; я ухватил ближайший луч семиконечной звезды, и пальцы не прошли через жгут эфира, а словно стиснули прут раскаленного железа. Жуткая боль сотней осиных укусов метнулась от кисти к локтю, замерла на миг и поползла выше

уже не столь быстро. Рука окуталась тончайшими лучиками, словно стянутую с плоти и проколотую кожу надели на яркий светильник. Меня всего перекорежило, но я не разжал пальцев и рывком отправил эфирную фигуру к гранитной плите, попутно придав ей вращение, как если бы раскручивал детскую карусель.

Сработало! Медленно вращаясь, звезда поплыла к месту силы. Воодушевление помогло перебороть боль, я позабыл о жжении, принялся хватать вспомогательные фигуры и швырять их вдогонку, но не абы как, а направляя каждую на свое место в единственно верном порядке. Косой крест! Пентаграмма! Око! Россыпь рун! Серп!

Эфирная печать плыла в воздухе, вращаясь вокруг собственной оси. Понемногу ее движение замедлялось, каждый новый символ добавлял волнистым лучам холодного белого сияния. Малые фигуры и вовсе пылали рукотворными светилами, от их нестерпимого блеска вновь наполнились слезами глаза.

Якорь! Фигуры резко остановились, и сразу застопорилось вращение. Энергетические потоки потянули печать и зафиксировали в нужном положении, как прижимает деревянную пробку к сливному отверстию толща воды.

О да! Я вскинул руку, намереваясь прикрыть глаза, но за миг до того заклинание обрело мимолетную материальность и рухнуло на гранитную плиту. Вспыхнуло! Пространство пронзила короткая судорога, меня отбросило прочь,

миг спустя с хрустом переломились сухие сосны. По счастью, стволы лесных великанов повисли в воздухе, сцепившись сучьями с устоявшими под напором незримой стихии деревьями.

Перевалившись на бок, я стянул с горевшей огнем ладони перчатку, сгреб с земли ледяное крошево и зажал его в кулаке. Алые точки на коже быстро тускнели и пропадали, а вот боль проходить не спешила. По лицу потекло что-то теплое и липкое; я высморкался и снегом оттер кровь с бороды. Затем немного поколебался и поднялся на ноги. Точнее, попытался: голова пошла кругом, в ушах зазвенело, перед глазами замелькали серые точки.

Когда наконец слабость оставила меня, от потустороннего тумана уже не осталось никакого следа. Проведенный ритуал надлежащим образом запечатал место силы, и незримая стихия быстро успокаивалась. Не пришлось даже долго медитировать, чтобы привести в порядок собственное эфирное тело; все получилось само собой.

Левая рука? Что ж, какое-то время придется потерпеть... Я кое-как натянул перчатку на негнущиеся пальцы и поежился от пронзительного осеннего морозца. Азарт схлынул, начал бить озноб, застучали зубы. Обычное дело – пока двигался, холода даже не замечал, а тут разом до костей пробрало.

Камзол толком согреть не мог, а верхняя одежда осталась в дилижансе, поэтому я без всяких угрызений совести поза-

имствовал плащ чернокнижника, брошенный тем у костра. Мертвецу он точно ни к чему.

Выбрав из пепла не до конца прогоревший стебель крапивы, я откусил с конца узел, продул полую трубочку и приложил ее к алому угольку. Затянулся – и дым наждаком продрал глотку, провалился в легкие, заставил закашляться. После двух или трех вдохов сознание окончательно прояснилось, да и боль в левой руке слегка поутихла и больше не заставляла скрежетать зубами.

Накинув капюшон, я встал у гранитной плиты, которую прочертило несколько трещин, и оценил проделанную работу. Упрекнуть себя было решительно не в чем. К чему ложная скромность? Справился на отлично, хоть экзаменационную комиссию вызывай.

Поборов мальчишеское желание помочиться на жертвенник, я вернулся к кострищу и раскрыл валявшуюся там сумку. Первым делом пересыпал себе из тощего кошель монеты, затем пролистал исписанную убористым почерком тетрадь. Записи, схемы, формулы, расчеты. Все – зашифрованное, с наскоку не разобраться. Сейчас, впрочем, и не до того.

Встряхнув мелочовку вроде огнива, перочинного ножичка и письменных принадлежностей прямо на землю, я перебрал имущество чернокнижника, не отыскал ничего интересного и тщательно прощупал сумку, но тайника не сумел обнаружить и там. Пришлось перейти к самой неприятной части обыска и заняться телом.

И вновь ничего. Я даже не поленился стянуть сапоги, проверить швы и подкладку камзола, но ни подорожной, ни лицензии не нашел. Те, пусть и фальшивые, могли послужить отправной точкой дознания, а так канонику придется полагаться исключительно на зашифрованные записи. Негусто. Ну да это не моя головная боль.

Поднявшись на ноги, я напоследок окинул обезображенное тело внимательным взглядом и вдруг заметил в снегу рядом с обрубком шеи золотую нить. Точнее – тонкого плетения цепочку. Потянул ее, выудил семиконечную звезду, а рядом с той качался...

Я выругался. Рядом со святым символом на цепочке качался серебряный перстень с золотым гербом Ренмельского императорского университета! При жизни покойник был лицензированным бакалавром тайных искусств, и это обстоятельство все определенным образом усложняло.

– Ангелы небесные! – горестно выдохнул я и отправился в обратный путь.

Глава 2

К моему возвращению дилижанс уже вытолкали на дорогу, хмурые мастеровые о чем-то вполголоса переговаривались и косо посматривали на Хорхе, стоявшего поодаль с арбалетом в руках. Заплаканная горожанка истово молилась, ее отпрыск сидел на козлах, присматривал за лошадьми и казался вполне довольным жизнью. В этом возрасте все, что не убивает и не калечит или убивает и калечит кого-то другого, кажется захватывающим приключением. По себе помню. Ничего, скоро пройдет.

Сильвио де ла Вега успел допить бренди, но этим не удовлетворился, опрокинул фляжку и ловил на язык срывавшиеся с горлышка капли. Заметив меня, он отвлекся от этого занимательного действия и с интересом спросил:

– Удачно, магистр? Мы слышали выстрел!

– Удрал, подлец! – соврал я, откинул с головы капюшон и усмехнулся. – Так улепетывал, что даже плащ бросил! Добротный плащ, между нами. Носить еще да носить!

Южанин глянул на меня с непонятным выражением и промолчал, зато подбежавшие мастеровые наперебой принялись требовать, просить и умолять поскорее убраться отсюда, пока не явился кто-нибудь еще. Уверен, от попытки завладеть дилижансом во время моего отсутствия их удержал исключительно арбалет в руках Хорхе.

– Молчать! – прикрикнул я на дородных мужиков и направился к выложенным в рядок телам. Мои штаны и так были изрядно заляпаны грязью, опасение вымазать их еще больше не остановило от того, чтобы опуститься рядом с мертвецами на колени.

Мастеровые приближаться не рискнули, а вот Сильвио подошел и встал за плечом, но не произнес ни слова до тех пор, пока я не закончил молиться. Лишь потом он покрутил головой и сказал:

– Читать заупокойную по тем, кого сам же и прикончил... Нет ли в этом определенной... неискренности?

Южанин словно опасался обидеть меня, но я лишь устало улыбнулся:

– Вовсе нет, сеньор. Я от всего сердца желаю душам этих лиходеев найти покой на небесах.

– Как благородно!

– Что вы! Один лишь голый расчет. Преисполненные небесной благодати души не помнят былых обид. А вот если по нелепому недоразумению меня отправят в заповедь, не хотелось бы встретиться с озлобившимися скотами, которых, как вы изволили выразиться, сам же и прикончил. Там, внизу, ничего не забывают, знаете ли...

Сильвио поаплодировал.

– Склоняю голову перед вашей предусмотрительностью, магистр!

Не обратив внимания на прозвучавшую в голосе собесед-

ника иронию, я принял похвалу как должное и повернулся к мастеровым.

– Эй, вы! Грузите тела на империял! Не собираетесь же вы оставить их на поживу лесному зверью?

Именно так те и намеревались поступить, и я бы с чистым сердцем предоставил хоронить останки разбойников людям местного сеньора, но обстоятельства вынуждали поступить иначе.

– Зачем это вам, магистр? – удивился Сильвио.

– Думаю, стражники захотят на них взглянуть. Возможно, кого-то удастся опознать, – пояснил я и вновь повысил голос: – Шевелитесь, бездельники! Вперед! Или пойдете дальше пешком!

Угроза подействовала наилучшим образом. Пусть мастеровым и не хотелось ни прикасаться к мертвецам, ни тем более везти их рядом со своими пожитками, но спорить с людьми, которые только что прикончили вооруженных разбойников, у них духу не хватило. Взялись за дело как миленькие.

Я как раз успел зарядить пистолы и в путь отправился во всеоружии. Кован занял место фореитора, а сеньор де ла Вега ехал рядом со мной на козлах, растирал оставленные веревками ссадины на запястьях и волком поглядывал на придорожные кусты. Несколько раз он доставал и встряхивал фляжку, но бренди в той не прибавилось ни на каплю.

Судя по болезненным гримасам, у Сильвио начиналось

похмелье. Я бы ему даже посочувствовал, но у меня и самого раскалывалась голова, а в левую руку словно воткнули сотню отравленных игл. Или даже тысячу. Слегка помогали затянутые на запястье четки, но янтарь лишь охлаждал кожу, полностью избавить от боли священная реликвия не могла.

Дилижанс уже вывернул на тракт, когда де ла Вега тягостно вздохнул и с нескрываемой горечью произнес:

– Похоже, я проявил себя сегодня не лучшим образом. Хотелось бы мне думать, что всему виной бренди...

– Бросьте, сеньор! – великодушно ответил я. – Вам не в чем себя упрекнуть.

– Ну конечно... – криво улыбнулся Сильвио, и я оставил попытки его переубедить.

Меня мутило, хотелось остановить лошадей и растереть лицо снегом, да еще холодный ветер пронизывал до самых костей. Пальцев ног я не чувствовал уже давно.

– Не считите, будто лезу не в свое дело, – необычайно вкрадчиво произнес вдруг де ла Вега, – но каким чудом вам удалось отвести заклинание, магистр? Я своими глазами видел – призрачный шар летел прямо в вас.

Я недобрым словом помянул покойного чернокнижника. Неужели так сложно было погасить визуальные проявления усыпляющих чар? Недоучка!

А впрочем, какая разница? В любом случае неминуемо возник бы – и еще возникнет! – вопрос, что именно прикончило охранника дилижанса и форейтора.

– Каким чудом? – задумчиво произнес я. – Вы совершенно правы, сеньор. Заступничество святого Мартина и в самом деле из разряда чудес.

– Заступничество святого? – округлил глаза Сильвио, и я поднял левую руку, демонстрируя охватившие запястье янтарные бусины.

– Четки святого Мартина. Именно они уберегли от зловредных чар.

Де ла Вега посмотрел сначала на четки, затем на меня, и, помимо откровенного недоверия, промелькнуло в его взгляде и нечто вроде снисходительности; так смотрят на ребенка, поведавшего о встрече с ангелом небесным. Но не обвинять же во вранье юродивого! И уж тем более не стоит спорить с фанатиком.

– Не поймите меня превратно, – осторожно произнес южанин, – но, насколько я знаю, четки святого Мартина хранятся у понтифика догматиков, архиепископа Ренмельского и светлейшего государя...

«...А еще продаются в половине лавок, торгующих святыми реликвиями», – мысленно продолжил я высказывание собеседника, поскольку так оно и было на самом деле.

Язычники приговорили святого Мартина к сожжению на костре, и, прежде чем воссиять, мученик кинул свои четки в толпу собравшихся на казнь зевак. Жулики испортили немало янтаря, придавая ему оплавленный вид, ведь мало кто знал, что настоящие четки порвались и рассыпались на

отдельные камешки. Владельцы реликвий с одной-двумя истинными бусинами об этом обстоятельстве предпочитали не распространяться.

– Представляется в высшей степени сомнительным, что у святого Мартина было *столько*, – интонацией выделил это слово Сильвио, – четок, что их хватило на всех.

– Четки у него были только одни, – сказал я, нашарил деформированную бусину, казавшуюся заметно теплее прочих даже через перчатки, и невольно поморщился от накативших воспоминаний. – Это семейная реликвия. Нам... Мне их отдал отец, когда отправил учиться в университет.

Южанин правильно понял намек и выражать сомнения в обоснованности семейных преданий не стал. Вместо этого присмотрелся к семиконечной звезде с извилистыми лучами и недоуменно хмыкнул.

– Первый раз вижу подобную... интерпретацию святого символа. Разве лучи не обязаны быть прямыми?

– До церковного раскола их изображали и так, и так, – пожал я плечами. – Впоследствии ортодоксы признали канонической звезду с прямыми лучами, но и эту, как вы сказали, интерпретацию никто не запрещал.

– У духовенства в те годы важнее дел не было! – рассмеялся Сильвио. – Догматики и вовсе добавили восьмой луч, а мессiane сократили их количество до трех!

– Мессiane – это более поздняя история, сеньор.

– Не буду спорить, магистр, – легко принял мои слова де

ла Вега. – В теологии я не силен.

Эти слова затронули некую струнку в моей душе, и неожиданно даже для самого себя я признался:

– А вот я намеревался посвятить свою жизнь служению церкви...

– И что же пошло не так, магистр?

– Обстоятельства изменились.

Сильвио кивнул, принимая это объяснение, и начал бесстрастно разглядывать тянущийся вдоль тракта лес, густой и темный. Ветер трепал бурые листья не успевших облететь кустов, что росли вдоль обочины, раскачивал верхушки сосен, мел колючую снежную поземку. Небо, как и прежде, затягивали низкие облака, и ожидать улучшения погоды не приходилось.

Показался почтовый столб, я присмотрелся к табличке и увидел, что до Стожъена осталось три четверти мили. Даже с нашей черепашной скоростью ехать дилижансу было чуть меньше часа.

Ангелы небесные! Час – это совсем немного, но, чувствую, скоро придется пойти пешком, дабы хоть немного согреться!

Сзади нагнала звонкая мелодия рожка; пришлось направить дилижанс к обочине, позволяя проехать почтовой карете. Я с завистью посмотрел им вслед. Ну и что мне стоило подождать? Вот что, а?

Понимание того, что стремление поскорее попасть в Сто-

жъен спасло жизни попутчиков, грело лишь душу, но никак не тело.

— Для того, кто намеревался стать священником, вы весьма искусны в стрельбе, — сказал вдруг Сильвио так естественно, словно продолжал только-только прерванный разговор. — Я слышал, на факультетах свободных искусств жалованья едва хватает сводить концы с концами, а пара пистолей не могла обойтись дешевле... — Он задумчиво зашевелил губами. — Двенадцать... Двадцать четыре... Но колесцовый замок... Плюс отделка, инструменты и футляр... Тридцать пять или даже сорок. Да! — Южанин взглянул на меня с уважением. — Вы, должно быть, потратили на оружие никак не меньше сорока дукатов, магистр!

Теперь уж пришла моя очередь переводить озвученную сумму в более привычные для себя монеты имперской чеканки.

— Семьдесят талеров? — пробормотал я. — Да, наверное, так оно и есть.

— Но это же двухлетний заработок обычного лектора на факультете артистов!

— Если не трехлетний, — посмеялся я. — Сеньор, не смотрите так на меня! Я не потратил на покупку ни пфеннига! Все мы иной раз вытягиваем счастливый билет, мне посчастливилось быть репетитором отпрыска одной весьма состоятельной особы. Этот подающий надежды юноша поступил на юридический факультет, минуя зубрежку алгебры и грам-

матики, и потому благодарность его родителя не знала границ. Правда, она приобрела весьма оригинальную форму. Почтенного сеньора весьма беспокоило, что мне приходится переезжать из города в город, порой без надлежащей охраны, и он подарил пару пистолей.

Все это была бессовестная ложь, но мне приходилось слышать рассказы о подобной щедрости благодарных отцов, не мог не слышать чего-то подобного и Сильвио.

– Подумать только! – протянул южанин и покачал головой. – Не уверен, безопасней путешествовать с таким подарком или без оружия вовсе.

– Убивают и за пару дырявых сапог, – резонно заметил я.

Сильвио задумчиво кивнул, вновь достал фляжку, потряс ее и с явственным раздражением сунул обратно в ранец.

Вскоре появились просеки, затем потянулись проплешины вырубков, а дальше и вовсе раскинулись запорошенные снегом поля. После добротного каменного моста через заросшую камышом речушку на глаза попался съезд с тракта; я присмотрелся и заметил поднимавшиеся к серому небу струйки дыма.

– Деревня, – произнес де ла Вега, но предлагать свернуть с тракта не стал.

А вот когда навстречу попался разъезд конной стражи и я дал бравым воякам проехать мимо, южанин не удержался от удивленного вопроса:

– Разве не стоило сообщить им о нападении?

– И проторчать невесть сколько времени в чистом поле? – фыркнул я. – Нет уж, благодарю покорно!

Ветер на открытом пространстве заметно усилился; меня пронизывало до костей, из носа так и текло. Но не важно. До города оставалось всего ничего.

Когда дилижанс миновал еще несколько поселений, на тракте стало куда многолюдней. Неторопливо тащились нагруженные возы, чуть быстрее ехали телеги, изредка нас обгоняли забрызганные грязью по самые крыши кареты. Вдоль обочины шагали пешеходы: кто-то катил перед собой ручные тележки, кто-то тащил свой немудреный скарб на горбу, некоторые и вовсе путешествовали налегке. Шли поодиночке и группами. Нам вслед путники все как один смотрели с нескрываемой завистью; просто они понятия не имели, какой груз покоится на империале.

Когда на фоне серого неба показались шпили башен, я с облегчением перевел дух и встряхнул вожжами, подгоняя лошадей. Почтовая станция располагалась вне городских стен неподалеку от таможенного поста. На огороженной высоким частоколом территории помимо сараев, складов и конюшен выстроили и постоялый двор, дабы прибывшим в неурочное время путешественникам было где переждать ночь.

Хорхе направил лошадей в распахнутые ворота, мы проехали через двор и остановились в глухом закутке. Маневр

не остался незамеченным, и на почтовую станцию притопал пузатый таможенник в чине капрала.

– Ваши подорожные, сеньоры! – окликнул нас толстяк с покрасневшей от морозца физиономией, но надеждам служивого вытрясти из путников мзду сбыться оказалось не суждено.

Я вкратце пересказал историю наших злоключений, и нахмурившийся таможенник нервным движением покрутил черный ус.

– Сейчас же отправлю донесение в канцелярию бургграфа и пришлю кого-нибудь караулить дилижанс, – решил он после недолгих колебаний. – А вы ждите на постоялом дворе. И ни шагу за ворота!

Мастеровые запротестовали, и тогда налившийся дурной кровью служивый заорал во всю свою луженую глотку:

– Ма-алчать! За ворота ни ногой! В кутузке сгною! – Капрал даже положил ладонь на рукоять палаша, но обнажать его не стал, лишь резко бросил: – И снимите уже эту падаль!

Пришлось мужикам снова лезть на империал.

– Сколько времени вы продержите нас здесь? – обратился тогда к таможеннику де ла Вега. – У меня важные дела...

Служивый оценивающе посмотрел на южанина и грубить дворянину не стал.

– Подорожная в порядке, сеньор? – уточнил он.

– Разумеется!

– Тогда отправитесь в путь в самое ближайшее время!

Формальности много времени не отнимут, – объявил капрал и, радуясь удачному ответу, вышел за ворота.

– Хорхе, отнеси сундук на постоянный двор, – попросил я слугу. – И вели хозяину подогреть вина.

– Да, магистр, – направился Кован к дилижансу, но наткнулся на мою протянутую руку и, состроив скорбную мину, вложил в ладонь позаимствованный у кучера кошель.

– Полагаете, мы застряли тут надолго? – опечалился Сильвио де ла Вега. – Пузатый сеньор сказал, формальности не отнимут много времени!

– Возможно, что и так. Как бы то ни было, не уверен, что в состоянии продолжить путь, – поморщился я, развязал кошель и отсчитал свои тридцать шесть крейцеров, затем окликнул горожанку: – Матушка, вы сколько заплатили за проезд?

Ушлая тетка облизнула губы и стрельнула глазами на мастеровых, но те уже освободились и наблюдали за нами с живейшим интересом; зависить сумму не вышло. После горожанки я рассчитал повеселевших дядек и передал кошель южанину:

– Возьмите свое, сеньор.

Сильвио посмотрел на меня с нескрываемым сомнением:

– По имперскому уложению, имущество преступников переходит в казну.

– Все так, – кивнул я, – но этот прохвост собрал деньги за проезд, заведомо не собираясь исполнять взятые на себя

обязательства и не имея права оказывать подобные услуги. Любой суд признает подобную сделку ничтожной, а значит, речь идет о банальной реституции. Мы лишь упрощаем процедуру. К чему обременять своими мелочными требованиями юристов бургграфа, безмерно занятых куда более важными делами?

Южанин рассмеялся и запустил пальцы в кошель.

– Так понимаю, о колдуне вы умолчали неспроста? – вполголоса уточнил он, когда мы остались наедине.

– А был ли колдун? – пожал я плечами. – Нам что-то такое почудилось, но где доказательства? Не хочу, чтобы меня подняли на смех.

– Да и люди епископа продержат нас куда дольше дознавателей бургграфа, – поддакнул Сильвио. – Магистр, я видел только разбойников, о них и расскажу.

– Вполне разумное решение, на мой взгляд, сеньор.

В ворота прошел стражник в напяленной поверх стеганой куртки кирасе и с глефой на плече, он заметил трупы, остановился и присвистнул. Перевел заинтересованный взгляд на нас, но тут Сильвио кинул на труп кучера заметно отощавший кошель, и звон серебра мигом заморозил служивого, заставив позабыть обо всем остальном.

Хорхе уже уволок сундук на постоянный двор; я поднял с земли саквояж и тоже задерживаться у дилижанса не стал. Де ла Вега опустил пониже на лоб берет, закинул на плечо ранец и поспешил следом.

В общей зале постоянного двора оказалось сильно натоплено; я чуть не задохнулся от наслаждения из-за нахлынувшего тепла. Наши попутчики сгрудились перед камином; толкаться там с ними не хотелось, и я командовал выглянувшему на стук двери хозяину:

– Комнату, таз горячей воды и кувшин глинтвейна!

– Бутылку вина! – вторил мне Сильвио, нервно усмехнулся и, будто сам себе, произнес: – Надо скорее напиться и позабыть это безумное утро...

Поскорее позабыть? Я поморщился из-за жжения в левой руке и покачал головой. Уверен, это будет не так-то просто...

Комнатушку мне выделили на первом этаже; тесная клетушка с единственным окном еще не успела полностью выстыть после съехавшего поутру постояльца, пепел в очаге оказался теплым. Кровать была одна, а еще прямо на полу лежал набитый соломой тюфяк.

Шустрый малец быстро развел огонь и убежал за горячей водой, а Хорхе задвинул сундук в угол, вытер пот со лба и отправился напомнить хозяину о глинтвейне. Повесив подсумок с пистолями на спинку кровати, я стянул сапоги и с досадой оглядел камзол и штаны. Те пестрели бурыми пятнами, и было уже не разобрать, моя это кровь или чужая, а то и просто дорожная грязь. Появляться на людях в таком виде определенно не стоило; я разделся, натянул шерстяную ночную сорочку и с ногами забрался на кровать. Снял с шеи

висевший на шнурке мешочек и сунул его под матрац, затем укрылся одеялом. То показалось жестким и колючим, но пусть даже и так – холода мне сегодня хватило за глаза.

Безумно хотелось закрыть глаза и уснуть; остановило ясное понимание, что ничего хорошего из этого не выйдет, только заработаю головную боль на несколько дней вперед. Да и не получится нормально выспаться. Непременно разбудят.

Под скрип ржавых петель распахнулась дверь, широкоплечий слуга занес в комнату и выставил рядом с кроватью жаровню, полную алых углей. Следом прибежал мальчишка с пустым деревянным тазом, тут же выскочил в коридор и вернулся с ведром горячей воды. Опрокинул ее в таз и отправился восвояси, даже не подумав подтереть разлетевшиеся по всему полу брызги.

Я размешал в тазу порцию горчичного порошка и с наслаждением опустил в воду озябшие ноги.

– Ангелы небесные, до чего же хорошо... – блаженно выдохнул, чувствуя, как в окоченевшие ступни начинает возвращаться тепло.

Вновь распахнулась дверь, на этот раз в комнату прошел Хорхе.

– Ваш глентвейн, магистр, – сообщил он, наполняя кружку из пузатого глиняного кувшина.

– Налей и себе, – разрешил я, но сразу передумал. – Нет, сначала найди кого-нибудь, чтобы привели в порядок одеж-

ду. И вели хозяину нагреть еще пару ведер воды.

Слуга кивнул и вышел в коридор, а я осторожно пригубил глинтвейн и, хоть меда явно пожалели, получил ни с чем не сравнимое удовольствие.

Хорошо!

Вода в тазу уже начала остывать, когда наконец вернулся Хорхе.

– Все сделают, – оповестил он меня.

– Дай полотенце, – попросил я.

Кован выполнил распоряжение, заодно разлил по кружкам остатки глинтвейна. Я отказался от второй порции подогретого со специями вина и принялся растирать ноги полотенцем. В голове приятно шумело, но вино оказалось неожиданно крепким, и перебарщивать с выпивкой не стоило. Слишком устал.

Хорхе Кован отыскал в дорожном сундуке пару коротких, едва достававших до колен теплых чулок, затем кинул на пол домашние тапки и лишь после этого с чувством выполненного долга приложился к глиняной кружке; одним махом влил в себя ее содержимое и взял следующую. Темные глаза заблестели, но это ни о чем не говорило: Хорхе прекрасно соображал и после пары кувшинов подобного пойла.

Я натянул на распаренные ноги чулки, передвинулся поближе к жаровне и скинул с плеч одеяло. Холод отступил, где-то внутри начинал разгораться огонь.

Все как всегда. Все как всегда...

Пальцы левой руки бездумно перебирали зерна четок, и понемногу боль стихла, отступила и спряталась в ожидании, когда ей будет позволено вернуться обратно. Не дождет-ся. Не сегодня – точно...

Вновь распахнулась дверь – стучаться здесь вообще не в правилах, как я погляжу! – и к нам заглянул давешний таможенный капрал, краснощекий и круглолицый, за его спиной маячил молодой вихрастый паренек в форменном плаще магистратского служащего. В комнатухе сразу стало тесно.

– Сеньор... – неуверенно выдавил из себя служивый.

– Магистр! – одернул его Кован.

– Магистр, – поправился капрал. – Могу я взглянуть на ваши документы?

– Покажи, – распорядился я, и Хорхе передал толстяку подорожную и свидетельство университета Браненбурга о получении степени лицензиата свободных искусств.

Таможенник долго-долго изучал бумаги, затем сунул их спутнику и откашлялся.

– Надо все запрото... протоко... – Он сбился на сложном слове и махнул рукой. – Записать все надо. Все, как было!

Паренек протиснулся мимо капрала, передвинул единственный в комнате табурет к широкому подоконнику и принялся раскладывать на нем письменные принадлежности.

– Не буду мешать! – откланялся таможенник и вышел в коридор, а мне пришлось рассказывать о своих сегодняшних

злоключениях под запись, не забывая умалчивать об одних деталях и на ходу выдумывая другие.

А только ушел писарь, как вновь скрипнула петлями дверь, но теперь – о чудо! – перед этим в нее постучали.

– Вода нагрета, сеньоры! – оповестил нас слуга-мальчишка. – Нести сюда?

– Нет, на задний двор, – ответил Хорхе, выглянув в окно. – Кадку можно будет наполнить? Еще нужны четыре ведра холодной воды.

– Сделаем... – пообещал пацан без всякого энтузиазма в голосе.

Я кинул ему пфенниг, и медяк заставил примириться с необходимостью выполнять странные прихоти постояльцев. Ну... хотя бы отчасти.

Пройти на задний двор можно было в обход общей за-
лы, поэтому я не стал одеваться и отправился туда как был, в ночной сорочке и тапочках. Хорхе уже вылил и горячую, и холодную воду в разошедшуюся деревянную кадку и теперь энергично размешивал ее черпаком. При моем появлении он опустил в лохань ведро и уточнил:

– Готовы, магистр?

Я закрыл глаза и коротко помолился, беззвучно шевеля губами, затем снял все щиты и полностью открыл незримой стихии эфирное тело. Склонил голову, и Кован тут же опрокинул сверху ведро воды. В первый момент она не показалась холодной, скорее, даже теплой, но уже мгновение спустя

меня пробрало до костей и дыхание перехватило, а мокрая сорочка противно облепила тело. Под порывом пронзительного ветра она смерзлась и начала при малейшем движении хрустеть.

Пока я отфыркивался, ухнула вторая порция воды, она словно вытянула из меня все силы, затряслись поджилки, подкосились колени. Левая рука занемела и будто бы потеряла всякую чувствительность. И тут же – третье ведро!

Мир пошел кругом, земля затанцевала под ногами, но я устоял. И даже сумел поднять руку, останавливая слугу.

– Достаточно!

Вода помогла избавиться от излишков захваченной во время ритуала энергии, и я вновь закрыл свое эфирное тело, привычно отгородив его ментальными щитами. Потом жадно хватанул ртом морозный воздух, шагнул к двери, и меня тут же повело в сторону. Упал бы, но под руку вовремя ухватил Хорхе.

Он довел до комнаты, отпер дверь и помог стянуть прилипшую к телу сорочку, а когда я растерся полотенцем и забрался под одеяло, спросил:

– Узнать, что едет отсюда в сторону Кларна?

– Придется ненадолго задержаться, – ответил я, стуча зубами. Озноб никак не желал проходить, но меня сейчас это совсем не беспокоило. Главное, не осталось и следа от изматывающего жжения в левой руке, да и болезненное биение пульса в голове стихло, а свет больше не резал глаза.

Слабость? Справлюсь. Всегда справлялся, справлюсь и на этот раз.

Известие о вынужденной задержке Хорхе несколько не опечалило.

— Где будем обедать, магистр? Здесь или в городе?

При одной только мысли о еде к горлу подкатила тошнота, и я поспешно сказал:

— В городе!

— Скажу хозяину. — Кован распахнул дверь, но задержался на пороге. — Что-то еще?

— Узнай, где местные берут воду. Если не в ближайшей канаве, принеси кружку, — попросил я, а когда дверь за мной закрылась, без сил откинулся на подушку. Немного полежал так, согреваясь, затем отбросил одеяло, отпер сундук и принялся рыться в его содержимом, выискивая подходящую для похода в город одежду. Хоть выбирать было особо не из чего, дожидаться, пока вычистят дорожное платье, я не собирался.

Потертые кожаные штаны в сочетании с заляпанными грязью сапогами мало соответствовали представлениям о том, как подобает одеваться университетскому лектору, а вязаный свитер так и вовсе превращал меня в северного деревенщину, но уж лучше ловить на себе косые взгляды, чем клацать зубами от холода в одной лишь сорочке под плащом. Не забыл я и о припрятанном под матрасом мешочке, вернул его на шею, причесался, застегнул на поясе оружейный

ремень с кинжалом и уставился на подсумок.

Уверен, в городе пистолы не понадобятся, но ровно такого же мнения я был относительно утренней поездки. Человек предполагает, а Вседержитель располагает, так стоит ли искушать судьбу?

И я решил судьбу не искушать. Подсыпал пороха на запальные полки, затем убрал в подсумок все необходимые документы и перекинул его через плечо. Уже застегивал фибулу плаща, когда вернулся Хорхе.

– Вода, магистр.

– Не из болота хоть?

– Даже не из реки. Хороший ключ. Чистый.

Я в несколько глотков влил в себя воду, столь холодную, что заломило зубы, и шумно выдохнул, возвращая кружку.

– Благодарю! – А потом взял шляпу и вышел в коридор, предоставив запереть дверь слуге.

В общей зале еще терся у стойки записавший мои показания писарь и накачивались вином мастеровые, а вот горожанки с сыном и Сильвио видно уже не было. Да еще рано полысевший хозяин востепенулся и выскочил из-за прилавка.

– Уходите, э-э-э... магистр?

– Да. Но комната остается за мной.

– Задаток бы, а? – заискивающе заглянул мне в глаза содержатель постоянного двора. – У нас с этим строго. Одному дай, другому дай. Сбор заплати. А если какая задержка, сра-

зу руки выкручивать начинают. Задаток бы, магистр...

Я оборвал его словоизвержение взмахом руки, порылся в кошеле и положил на прилавок двойной грош, слегка обрезанный с одного края.

– Хватит с тебя пока.

Хозяин попытался что-то сказать, но я не стал ничего слушать и вышел во двор. Тела разбойников куда-то увезли. У дилижанса топтался одинокий стражник, куда больше введенного имущества его занимала суeta у почтовой станции. Служащие там меняли лошадей и сортировали мешки с корреспонденцией, а румяный почтмейстер взимал с пассажиров кареты казенный сбор.

«И что стоило дожидаться почтовой кареты?» – вновь мысленно посетовал я и направился к выходу. Хорхе Кован нагнал и зашагал рядом легкой походкой привычного к долгим пешим переходам странника, а вот меня так и пошатывало.

Усталость давила на плечи вполне ощутимым грузом, и осознание собственной слабости отравляло душу почище самого сильного яда. В кого только превратился? Жалкое зрелище...

Я досадливо плюнул и поплелся дальше, стараясь не выказывать встречным, как непросто идти прямо и не наваливаться при этом на слугу.

Мы миновали выросшее у городских стен скопище ветхих хибар, даже не пытаясь обходить выплеснутые на дорогу по-

мои и нечистоты и не обращая внимания на заливистый лай цепных псов. На одном из перекрестков прямо под ноги выскочил поросенок, и Хорхе от души наподдал ему сапогом под зад.

Картину довершила виселица перед въездом в Стожъен, на той болталась троица изрядно поклеванных вороньем покойников. Оставалось только порадоваться холодам, иначе от зловония мне в нынешнем состоянии точно сделалось бы нехорошо.

У ворот топтались два продрогших стражника в одинаковых серых плащах с нашивками бело-красных цветов; остальные служивые, как видно, отогревались в караулке. Старший уставился на Хорхе с недобрый прищуром, но затем перевел взгляд на меня и цепляться не стал. То ли капрал таможенников успел поделиться новостями, то ли интуиция сработала. Наблюдательный человек на работе вроде этой очень быстро учится разбираться в человеческих типажах и понимать, с кем стоит связываться, а кого лучшешний раз не задевать.

Ссыпав монеты городского сбора в опечатанный железный ящик, мы беспрепятственно прошли за стену. Улица была широкой, но крыши домов нависали над дорогой. И без того пасмурный день сделался еще мрачнее.

Сапоги отчаянно скользили на льду замерзших луж и на застывшей грязи; несколько раз лишь поддержка Хорхе помогала устоять на ногах. К счастью, блуждать и выпраши-

вать дорогу не пришлось: вскоре улица привела нас прямо-ком на городскую площадь, посреди которой тянулся к небу храм с семиконечной звездой на шпиле.

– Подожду вас здесь, магистр, – предупредил Хорхе, загнать которого в церковь было задачей воистину непосильной.

Не помогали ни душеспасительные беседы, ни посулы повысить жалованье, не срабатывали даже прямые угрозы жалованье, наоборот, урезать. Решительно, некоторые люди слишком упрямы, чтобы прислушаться к гласу рассудка.

Я досадливо отмахнулся от слуги, миновал шеренгу попрошайек и шагнул в открытую дверь. Шла служба, и хоть проповедник не кричал и даже особо не повышал голос, прекрасная акустика позволяла разобрать его слова даже в самых отдаленных уголках помещения.

– В этот день многие годы назад пророк отправился нести слово истины в Ренмель. Пастырь наш прекрасно осознавал опасность, исходящую от имперских книжников и ловчих, но вера его была несокрушима...

На праздничной службе яблоку было негде упасть, пробраться к центру получилось, лишь изрядно поработав локтями. Горожане зло шипели вслед, но тут же умолкали, одернутые соседями.

Нельзя сквернословить в святой праздник! И уж точно не стоит делать этого в церкви, даже если тебе отдавили ногу. Возлюби ближнего своего и прости ему недостойное поведение.

ние, о да...

Чем ближе я подбирался к центру помещения, тем явственней ощущалась искрящаяся святость здешнего эфира. Мало-помалу энергетика храма стала прогонять усталость и прояснять сознание, но этого было... Нет, не мало. Всего лишь недостаточно.

Я запрокинул голову и начал проговаривать молитву, полностью открывшись при этом незримой стихии. И результат не заставил себя ждать. Накатила безмятежность, все невзгоды и беды остались где-то далеко-далеко. Голоса превратились в неразборчивый гул, по телу начало растекаться тепло. И никакого больше амбре надушенных горожан, кругом один только запах свечного воска и ладана.

Хорошо! Будто заново родился! Потрепанное утренним ритуалом эфирное тело окончательно восстановилось, тело наполнила бодрость. И ангелы на куполе ожили, обрели объем, закружились вокруг. Если есть счастье, это именно оно...

Из молитвенного транса вырвал неосторожный толчок в плечо. Я вздрогнул, огляделся по сторонам и обнаружил, что служба подходит к концу и осененные небесным эфиром прихожане понемногу расходятся. Стоило бы причаститься и мне, но перед тем требовалось посетить исповедь, а о некоторых вещах я боялся даже вспоминать; рассказать же о них чужому человеку, пусть даже и священнику, было попросту невозможно, а умолчать – непозволительно. Возможно, когда-нибудь в другой раз...

Я наскоро прочитал молитву о прощении греха смертоубийства, окинул напоследок быстрым взглядом фрески и статуи, печально вздохнул и поспешил к выходу. Проповедь? На этот счет я несколько не переживал, поскольку едва ли местный священник мог поведать мне хоть что-то новое о последнем странствии пророка. Да и так ли важна дорога в Ренмель по сравнению с последующими событиями? Идет ли обращение в истинную веру нескольких провинциальных селений хоть в какое-то сравнение с судилищем в языческих чертогах справедливости, семидневным противостоянием имперским книжникам и последовавшим за тем Воссиянием? Бренная плоть не смогла вместить дарованную Вседержителем силу, и дух пророка вознесся на небеса, а его святость навсегда изменила наш мир, превратив чертоги справедливости в Сияющие Чертоги. Такими они и остаются уже на протяжении семисот семидесяти четырех лет. Такими и будут оставаться впредь. Всегда.

Я вспомнил неизгладимые впечатления от первого посещения святого места, и по спине пробежали мурашки, а душа преисполнилась печали. Хотелось бы мне все вернуть назад... Пустое! Что сделано, того не исправить.

Осенив себя святым символом, я покинул церковь и отошел в сторону от людского потока. Хорхе Кован тут же оказался рядом; несколько не удивленный вновь обретенной мной бодростью он сообщил:

– На соседней улице есть неплохая корчма, если желаете

перекусить...

Мысли о еде больше не вызывали тошноту, но я лишь поднял руку, призывая слугу к молчанию. Застучал колокол часовой башни, над крышами взметнулась в воздух стая голубей.

– Двенадцать... – задумчиво пробормотал я, достал из подсумка потрепанную книжицу, пошелестел страницами. – Сначала займемся делами. Узнай, как пройти на площадь Семи Лучей...

Нужный дом, стиснутый с обеих сторон соседними строениями, отыскался в тенистом переулке по соседству с площадью. Я никогда раньше его не посещал, но символика Вселенской комиссии по этике на воротах говорила сам за себя. Заложенная кинжалом книга с вписанным в семиконечную звезду оком на обложке – тут не ошибешься.

Вселенская комиссия разбирала все более-менее серьезные правонарушения ученого люда, оставляя на откуп университетских судов разве что пьяные дебоши школяров да тяжбы повздоривших профессоров. В ее юрисдикции находились все нынешние учащиеся и все выпускники прошлых лет, преподаватели, их слуги и поставщики книг. Впрочем, если вдруг случались притеснения университетов, лекторов и даже простых школяров со стороны феодалов, городских властей и духовенства, комиссия неизменно отстаивала интересы ученого сообщества.

Магистром-чернокнижником должны были заниматься следователи этого учреждения, а вовсе не каноник местного епископа, следящий за благочестием других пастырей и паствы, и не братья-дознаватели ордена Герхарда-чудотворца. Дела подобного рода на публику не выносились.

Внутри я долго не пробыл. В здешней миссии по причине малочисленности городского населения числился один-единственный магистр-расследующий, и его на месте не оказалось. Пришлось отправиться восвояси несолоно хлебавши.

– Обедать? – с надеждой спросил Хорхе, зябко кутаясь в плащ. Он дожидался меня на улице и потому изрядно озяб.

– Не сразу, – разочаровал я его, вернулся на площадь и задумчиво оглядел выходившие на нее улочки. – Пороховая башня... Мы ведь проходили ее?

– Туда, магистр, – подсказал Кован.

После недолгих блужданий слуга привел меня к пустырю, посреди которого вздымалась на высоту трех этажей сложенная из грязно-бурого камня башня без единого окна. Соседние дома отступали от нее на сотню шагов, при этом на свободном участке не росло ни деревца. Не было даже кустов, лишь торчала из снега пожухлая трава да виднелись закопченные валуны.

Те были раскиданы в кажущемся беспорядке, отыскать какую-либо систему в их размещении мешали бесполезные обманки. Лишь некоторые камни служили маяками для энерге-

тических узлов защиты, призванной стабилизировать эфирное поле. Незримая стихия приобретала здесь удивительную упорядоченность, всякое искажение гасло, не успевая доказаться до башни.

Без этого было никак не обойтись, ведь магия и порох сочетались не лучшим образом. Точнее, не сочетались вовсе. Лишь многоуровневая оборона мешала вражеским колдунам поднять на воздух арсенал, просто пожелав этого. Мушкетеры, пистолы и пороховницы закрывались от колдовских чар далеко не столь изощренными способами, но даже так чеканка рунных формул делала цены на огнестрельное оружие заоблачными.

– Купи себе что-нибудь, – сунул я озябшему слуге пфенниг и направился по мощенной брусчаткой дорожке напрямик к воротам пороховой башни.

Только постучал медным молоточком, и сразу приоткрылась смотровая щель. Какое-то время меня внимательно изучали, затем все же сочли достаточно респектабельным и достойным доверия; дверь распахнулась.

В небольшом помещении дежурили два вахтера в кирасах, шлемах и серо-красных мундирах порохового приказа. Первый загораживал винтовую лестницу, второй замер в дальнем углу с коротким мушкетом в руках. Пояса обоих храбрых усачей оттягивали кинжалы и пехотные палаши.

– Чем можем помочь сеньору? – пробасил охранник.

Я протянул заранее приготовленные бумаги, вахтер бегло

глянул на патент и разрешил:

– Прошу!

Винтовая лестница оказалась крутой и тесной, только начал подниматься по ней, и невесть с чего накатил приступ панического страха. И дело было вовсе не в боязни закрытых пространств, просто защитные чары сковали эфирное поле и превратили его в нечто столь статичное, что стало трудно дышать. Не хотелось даже думать, каково день за днем являться сюда на службу занятому поддержанием защиты колдуну.

Учиться столько лет в университете вот ради этого? Брр...

На втором этаже в полукруглом помещении меня встретил унтер-цейхвартер в пепельно-сером мундире с красными обшлагами и двумя рядами надраенных до блеска медных пуговиц. Стоячий воротник украшало золотое шитье, грудь пересекала перевязь с офицерской шпагой.

Начальник арсенала внимательнейшим образом изучил сначала патент, затем лист непогашенных пороховых марок и лишь после этого отдал распоряжение стоявшему за прилавком с аптекарскими весами цейхдинеру:

– Исполни, – а сам, сочтя свои служебные обязанности выполненными, скрылся во внутреннем помещении.

Я достал пороховницу, потряс ее и попросил:

– Полмеры, будьте так любезны.

Сидевший здесь же писарь вырезал ножницами одну марку и в свете масляного фонаря принялся заполнять журнал

отпуска пороха, а цейхдинер выставил на прилавок жестяную коробку, откинул крышку и взялся за мерный стаканчик. Когда я забрал документы у писаря, он уже наполнил пороховницу, закрутил ее и протянул мне:

– Прошу, сеньор.

– Благодарю! – улыбнулся я и поспешил спуститься на первый этаж.

Находиться в пороховой башне было... неприятно.

Присмотренная Кованом корчма оказалась заведением средней паршивости, но кормили там сносно, и свободных столов к этому времени почти не осталось. Жареный цыпленок с овощами так и вовсе был бы весьма недурен, когда б не переизбыток специй. Лишь кружка пива утихомирила разбушевавшийся после него во рту пожар.

Перекусив и отогревшись у очага, мы вышли на улицу, и я без какой-либо определенной цели зашагал вдоль домов. Хорхе поплелся сзади.

Стожбен размерами не впечатлял, мы быстро обошли его. К середине дня потеплело, дороги развезло, из-под колес телег на прохожих и стены домов летели брызги грязи. Очень скоро бесцельные блуждания наскучили, но визит на площадь Семи Лучей вновь результатов не дал: магистр-расследующий на месте так и не появился. Сам себе хозяин в этой дыре, ничего не попишешь.

Надиктовав клерку послание, я отправился на постоянный

двор, но не привычным маршрутом, а неизведанным еще путем. Возможность заплутать и потратить время впустую меня несколько не смущала: торопиться было решительно некуда. Что же касается лихих людей, то средь бела дня не станет промышлять разбоем даже самый отчаянный негодяй.

Поначалу Хорхе что-то бурчал себе под нос, но очень скоро мы вышли на улочку с лавками мастеровых, и слуга угомонился. Посмотреть там и в самом деле было на что. В зарешеченных витринах иных ювелирных лавок попадались настоящие произведения искусства, а оружейникам хоть и было далеко до умельцев южных земель, зато лишенные вычурных украшений клинки прекрасно годились для своего предназначения: рубить и колоть, убивать. Доспехи тоже показались мне достойными внимания, хоть собственная кольчуга двойного плетения была и прочней, и легче. Но, надо признать, и дороже...

– Арбалет! – сказал вдруг Кован. – Магистр, у нас только один болт!

Зная прижимистый характер слуги, я несколько не удивился тому, что он не пожелал расставаться с трофеем, и шагнул под навес оружейника. Дядька в кожаном фартуке прекратил править на точильном круге нож, вышел к нам и указал на бочонок с болтами.

– Выбирайте, сеньоры! Дюжина за талер. Или вот, посмотрите, эти будут подороже. К ним удачливый мастер руку при-

ложил, поэтому десять крейцеров за штуку. Есть и штучный товар для ценителей...

Некоторые умельцы вкладывали в изделия частичку собственной души: напитанная эфиром одежда служила дольше, обувь не натирала мозолей, клинки меньше тупились, а болты летели дальше и точнее. Но мы ценителями не были, взяли полдюжины обычных.

У мастерской башмачника я замедлил шаг, потом решил, что старые туфли еще прослужат не меньше года, и отправился дальше. И почти сразу у Хорхе вырвался обреченный вздох.

– Чистое разорение... – простонал слуга, заметив лавку братства святого Луки.

Старый прохвост знал меня как облупленного, но на этот раз волновался он напрасно. Я лишь сжал в руке четки и покачал головой:

– Как-нибудь в другой раз.

Путь нам предстоял неблизкий, и сорить деньгами не стоило. Меньше всего мне хотелось спать на соломе в общих залах и трястись на попутных телегах. Да еще придется наверстывать потерянный день, а это тоже деньги – серебряные кругляши с гербами вольных городов и гордыми ликами монарших особ. За скорость и комфорт придется доплатить.

– Слава тебе, Вседержитель! – воздел руки к небу Кован, поймал мой неодобрительный взгляд и сразу перестал юродствовать. И даже попытался спрятать довольную улыбку.

ку, пусть и безуспешно.

– Идем! – позвал я слугу. – И брось скалиться, не то передуваю и загляну к добрым братьям!

Угроза подействовала, Хорхе цокнул языком, посильнее натянул капюшон и поспешил вслед за мной.

На въезде в город просил подавание одетый в рубище монах, я кинул в его кружку пфенниг и заработал очередной недовольный взгляд слуги.

– Вот еще, кормить бездельников... – пробурчал Кован себе под нос с таким видом, будто медяк вынули из его собственного кармана.

Я пропустил ворчание слуги мимо ушей. Несмотря ни на что, настроение было приподнятым. Только теперь пришло понимание, что в очередной раз умудрился обмануть смерть. А мог ведь и остаться на обочине лесной дороги или того хуже – истечь кровью на жертвенной плите.

«По ногам! Сам в круг ляжешь!»

Окрик кучера пробежался по спине колючими мурашками, и я заставил себя выкинуть его из головы. Бывало и хуже. Много хуже.

Пока шли до почтовой станции, низкие облака разродились мокрым снегом, на постоянный двор вернулись облепленными им с головы до ног, промокшими и озябшими.

– Ну и погоду послал Вседержитель! – всплеснул руками хозяин.

Я наставил на него указательный палец и грозно произнес:

– Не поминай всуе имени божьего!

Лысого живчика аж перекосило.

Мы прошли в комнату, Хорхе подкинул в очаг пару поленьев и рассмеялся:

– Еще немного, и он сам нам приплатит, лишь бы съехали!

– Ты недооцениваешь человеческую жадность и переоцениваешь глупость, – ответил я, стягивая сапоги и кидая их один за другим у порога.

– Сложно переоценить человеческую глупость, – покачал головой Кован, взял мой плащ и повесил его на прибитую к стене вешалку.

– Сходи договорись насчет ужина, – попросил я. – И насчет одежды справься.

Хорхе вышел, а я уселся на подоконник и начал листать рабочую тетрадь чернокнижника. Зашифрованные записи разобрать даже не пытался, а вот схемы и наброски, среди которых изредка встречались знакомые формулы, изучал с немалым интересом. Выведенные с помощью чертежных приспособлений окружности, четкие прямые линии, аккуратные подписи. Ни клякс, ни помарок. Некоторые сочетания фигур были столь затейливы, что приходилось подолгу разглядывать их, прежде чем получалось выделить отдельные элементы. Поначалу я на основании графиков пробовал высчитывать эфирные потоки, но лишь впустую потратил время. Как ни печально было это признавать, основам

ритуализма я во время обучения достойного внимания не уделял.

По всему выходило, что мой покойный противник был человеком весьма и весьма начитанным. Не умным, а именно начитанным. Умный не валялся бы сейчас посреди леса с оторванной головой. Не хочу сказать, что все зло от книг, но наставника они заменить не в состоянии. Мало дать знания, куда важнее объяснить, какие из них стоит применять на практике, а какие пускать в ход себе дороже.

Впрочем... иные наставники сбивают с пути истинного неокрепшие умы ничуть не хуже еретических сочинений и запретных фолиантов.

Я унял внезапную вспышку ярости, перелистнул страницу и обнаружил знакомую гексаграмму – ту самую, которую чернокнижник начертил вокруг места силы. Помимо множества второстепенных фигур и формул, которые мне в лесу рассмотреть попросту не удалось, здесь были оставлены краткие примечания для каждого из сегментов шестиконечной звезды. То ли чернокнижник, по давней школярской традиции, набросал шпаргалку, то ли использовал чужие работы и боялся забыть их в самый ответственный момент.

Тут же по краям страницы тянулись многочисленные пометки, в некоторых из них мне даже удалось разобраться. Хозяин тетради заранее высчитал высоту солнца в момент ритуала и его угол к оси север – юг, а также положение на дневном небосводе луны и некоторых звезд. Дальше шли

поправки для смещения лучей относительно сторон света и сложные вычисления плотности эфирного поля, допустимых пиковых искажений, мощности энергетических потоков при активации звезды и силовых всплесков в момент каждого жертвоприношения.

Что-то в приведенной схеме показалось странным, если не сказать – неправильным, но, как уже говорил, умение читать графические основы ритуалов никогда не входило в число моих достоинств. Не тем я в университете занимался, совсем не тем...

Но больше всего разочаровало отсутствие внятной формулы призыва. Если чернокнижник и записал надлежащее обращение к хозяину места силы, то исключительно в зашифрованном виде. Имени забравшегося мне в голову князя запределя отыскать не удалось.

Досадно. Весьма и весьма.

Я отложил тетрадь, зажмурился и помассировал виски.

– Принести кипятка? – предложил вернувшийся Хорхе, который устроился на соломенном тюфяке.

– Было бы неплохо.

В тетради приводилось описание еще доброго десятка ритуалов, но головная боль отступала как-то слишком уж медленно и неторопливо, и я решил оставить заметки чернокнижника для тех, кому полагалось заниматься ими по долгу службы. Убрал записи в подсумок, а когда с небольшой кастрюлькой кипятка вернулся Хорхе, высыпал в воду несколь-

ко щепоток сушеных листьев кипрея, добавил мяты и чабреца. Потом я сидел, прихлебывал настой, грыз сухарь и смотрел в окно. На улице шла морось, было пасмурно и хмуро. Промозгло. Пожалуй, даже неплохо, что пришлось сделать остановку в пути. В любом случае один день ничего не решит...

Вскоре проголодавшийся Хорхе вознамерился сходить и узнать, когда нас пригласят на ужин, но тут раздался стук в дверь.

– Неужто магистр приехать сподобился? – обрадовался я и попросил: – Отопри!

Но вместо работника Вселенской комиссии за дверью обнаружился хозяин.

– Сеньор... – пролепетал он и сразу поправился: – Магистр! С вами хочет поговорить человек бургграфа.

Дело точно касалось разбойников, поэтому я с обреченным вздохом натянул сапоги и уточнил:

– Надеюсь, в ратушу идти не придется?

– Что вы! Что вы! Вас ждут в свободной комнате.

Я задумчиво глянул на подсумок с тетрадью чернокнижника и пистолями, которые так и не сподобился убрать в деревянный футляр, и после недолгих колебаний снял его со спинки кровати.

– Хорхе, можешь пока поужинать. Если появится кто-то... кого я жду, дай знать.

– Сделаю, магистр.

Кован остался запереть дверь, а я отправился вслед за хозяином постоянного двора, и, надо сказать, выбранная для беседы комната не понравилась с первого взгляда. Точнее, не понравились сделанные моим визави приготовления. Стол был сдвинут в центр помещения, и мало того что человек бургграфа сидел за ним спиной к окну, он еще поставил себе за правое плечо принесенный из общего зала канделябр. Лицо незнакомца терялось в полумраке, мое же, напротив, оказалось прекрасно освещено.

Отличная позиция, только никак не для беседы. Тут дело, скорее, пахнет допросом. Уж мне ли не знать...

– Сеньор Филипп вон Черен? – уточнил человек, и не подумав представиться.

Голос оказался молодым, да и я понемногу привык к освещению, разглядел, что допрос затеял мой сверстник, весь из себя франтоватый. Скроенный по последней столичной моде камзол, дорогой шейный платок, щегольски выбритые виски, жидкие усики над верхней губой. И не скажешь, что провинциал.

Я без спроса уселся на придвинутый к столу табурет, закинул ногу на ногу и поинтересовался:

– С кем имею честь?

– Вильгельм вон Ларсгоф, – соизволил представиться молодой человек, не упомянув ни должности, ни рода деятельности.

Невелика сошка или желает произвести такое впечатле-

ние?

– Магистр Филипп Олеандр вон Черен, к вашим услугам, – в свою очередь, объявил я, не став нарушать этикет. – Чем могу быть полезен?

– Ваши документы, будьте так любезны.

– А что случилось?

– Возникли вопросы по утреннему... инциденту.

Я кивнул и положил на стол дорожную и бумаги о получении степени лицензиата на факультете свободных искусств Браненбургского университета.

Вильгельм принялся изучать документы, я продолжил изучать его самого. Говорил мой оппонент на северо-имперском с выговором, характерным для уроженцев внутренних земель империи, но при этом в его голосе нет-нет да и проскакивали столичные нотки. Опять же «инцидент». И дорогой камзол с модной стрижкой...

– Ваш слуга – сарцианин? – спросил вдруг Вильгельм, остро глянув на меня.

– Он принял истинную веру. Вот свидетельство.

Молодой человек с кислой миной принял потертый листок и сразу отложил его в сторону, не став даже смотреть. Сарциан в империи лишь терпели, не более того. Принявшие истинную веру дети ветра селились в городах и промышляли разными сомнительными с точки зрения обывателей делами, а их погрязшим в язычестве родичам воспрещалось вести оседлую жизнь, и они колесили по княжествам и граф-

ствам, составляя конкуренцию бродячим циркам, да еще попрошайничали и воровали все, что плохо лежит. В землях догматиков соплеменников Хорхе считали людьми второго сорта, а южнее Длинного моря лучшее, что их ждало, – это петля.

Увы, больше других пострадавший от солнцепоклонников народ слишком закоснел в своих языческих традициях и поэтому оказался не готов принять свет истины. Мне было их искренне жаль... пока я не вспоминал о кошеле, срезанном однажды с пояса наглой шумной детворой.

Вон Ларсгоф отложил мои документы на край стола, взял протокол показаний и принялся читать вслух:

– «В первый день десятого месяца года семьсот семьдесят четвертого от Воссияния пророка на почтовой станции в селении...»

Голос у Вильгельма оказался чистый и сильный, он открывал ему дорогу в любой церковный хор, и от этой мысли я расплылся в невольной улыбке, благо загодя прикрыл рот ладонью, имитируя зевок. Веко молодого человека дернулось; к столь явной демонстрации пренебрежения со стороны собеседника он готов не был и потому сначала сбился, а потом непозволительно зачастил.

– Право слово, сеньор, – не отказал я себе в удовольствии плеснуть масла в огонь, – я прекрасно помню свои слова.

– Имейте терпение! – потребовал Вильгельм и ткнул аккуратно подстриженным ногтем в нужную строчку. – Вот!

Здесь написано: «Выстрелил из пистоля»!

– Так и было, – подтвердил я. – Что вас смущает?

– Ученому сословию дозволено владеть короткими и длинными клинками, а во время путешествий – и арбалетами, но никак не огнестрельным оружием!

– У меня есть патент.

– Вы забыли об этом упомянуть!

– Никто и не спрашивал.

– Позвольте...

Я протянул патент, подумав, что мне и самому не мешает посмотреть, если так можно выразиться, верительные грамоты собеседника.

После внимательного изучения документа Вильгельм попытался выпытать, каким образом простой лицензиат сумел выправить себе патент на огнестрельное оружие, но я лишь разводил руками и ссыался на имперское законодательство. А под конец и вовсе спросил:

– Сеньор, вы меня в чем-то подозреваете?

– Вовсе нет, – пробурчал вон Ларсгоф и вновь обратился к протоколу. – После схватки с разбойниками вы побежали в лес. Зачем?

– Показалось, там был кто-то еще.

– И вы решились его преследовать? Один?!

Я развел руками:

– Ну вы же знаете – горячка боя. Едва ли я осознавал, насколько все это опасно.

– Вы нагнали его?

– Нет.

– Но ваши спутники слышали выстрел, – попытался загнать меня в угол вон Ларсгоф. – И вы вернулись с чужим плащом!

– Промахнулся. Не хватает практики, знаете ли. А плащ лиходея бросил, убегая.

– И это все?

– А что еще? – невинно поинтересовался я.

Вильгельм насупился, но быстро унял раздражение и сменил тему:

– Вы не заметили ничего необычного?

– Будьте любезны уточнить вопрос, – беспечно улыбнулся я, внутренне так и подобравшись.

– Сбежавший разбойник не использовал магию? – в лоб спросил потерявший терпение вон Ларсгоф.

Я мысленно покрыл болтливого южанина самой отборной бранью. Ну чего ему стоило держать язык за зубами? Но виду не подал и лишь развел руками:

– Колдовство? Откуда мне знать? Я обучался на факультете свободных, а не тайных искусств!

– Сеньор вон Черен! – отчеканил Вильгельм, позабыв о надлежащем обращении. – Вы не вполне откровенны со мной!

– Бросьте! Неужели вы всерьез полагаете, будто я в здравом уме кинулся бы преследовать колдуна? Это же абсурд!

Вон Ларсгоф попытался зайти с другой стороны, я мило улыбался и стоял на своем. Собеседника интересовали причины гибели двух разбойников, на теле которых не обнаружили никаких повреждений, и мне оставалось лишь округлять глаза в притворном изумлении. Было непонятно, с какой стати о возможной темной волшбе выспрашивает человек бургграфа, а не уполномоченный на то здешним епископом каноник. Какое-то время мы пытались вызнать секреты друг друга, а когда беседа стала больше напоминать фехтовальный поединок, я решительно поднялся из-за стола:

– При всем уважении, сеньор, не вижу смысла продолжать этот беспредметный разговор.

Я нисколько не опасался, что меня попытаются задержать и уж тем более – отконвоируют в городскую тюрьму, поскольку ученое сословие было выведено из-под юрисдикции как светских, так и церковных властей. Мало кто решится пойти на прямое нарушение закона по столь надуманному поводу.

Вильгельм вон Ларсен лишь покачал головой и объявил:
– Я умываю руки.

И сразу за моей спиной распахнулась дверь! Я не знал, что именно помешало Хорхе подать условный знак, не стал даже гадать. Быстро шагнул к стене, развернулся, да так и замер с ладонью на рукояти кинжала.

Первым в комнату шагнул загорелый усатый бретер, распахнутый плащ которого не скрывал ни пояса с кинжалом и

шпагой, ни перевязи с парой колесцовых пистолей. Голово-
рез сразу отступил в сторону, освобождая дорогу рыжеволо-
сой девушке лет двадцати в темно-синем дорожном платье.
На ее пальце золотом и янтарем желтел массивный универ-
ситетский перстень. Колдунья из истинных!

Незнакомка приветливо улыбалась, но синие глаза по-
блескивали двумя осколками льда, а эфирное тело букваль-
но разрезало незримую стихию. Она явно держала наготове
какое-то заклинание, но заставила меня убрать руку от кин-
жала вовсе не угроза магического поединка. Дело было в ху-
дощавом дворянине, вставшем в дверях.

Я прекрасно помнил этого сеньора по Лаварской кампа-
нии – наши отряды были какое-то время расквартированы
неподалеку, – да и в мирной жизни тоже доводилось встре-
чаться. И не могу сказать, что об этих встречах остались
светлые воспоминания. Рихард Колингерт – капитан лило-
вых жандармов и личный порученец статс-секретаря Каби-
нета бдительности барона аус Баргена был не самым при-
ятным в общении человеком. При этом внешнеостью весьма
походил на каноническое изображение пророка: высокий и
стройный, с благородным волевым лицом, выющимися каш-
тановыми волосами и короткой ухоженной бородкой, в ко-
торой пробивалась ранняя седина.

– Маэстро... Сеньоры... – слегка поклонился я, перебо-
ров замешательство.

Рихард небрежно отмахнулся, направился в обход стола,

и Вильгельм с явной неохотой освободил ему место. Капитан лиловых жандармов опустился на стул и холодно поинтересовался:

– Не пора ли покончить с маскарадом, вон Черен?

Голос капитана прозвучал простуженно и с явственной хрипотцой, да и сам он выглядел так, словно провел несколько дней в седле. Едва ли человек его рода деятельности путешествовал в такую погоду ради собственного развлечения, поэтому я не стал препираться и снял с шеи бархатный мешочек. Ослабил завязки и демонстративно высыпал на стол с полдюжины массивных перстней, в большинстве своем – серебряных, с червонными накладками университетских гербов. Помимо них было две золотые печатки – одна с янтарной вставкой, другая – с символикой Вселенской комиссии по этике. Последнюю я и надел взамен стянутого с пальца кольца лиценциата.

– А остальные? – заинтересовался капитан Колингерт. – Трофеи? Носите с собой, будто медвежьи клыки?

– Отнюдь, – покачал я головой. – Учился, преподавал...

И тут не выдержал Вильгельм.

– Капитан, – лихорадочно зачастил он, – перстень с янтарной накладкой получают лишь истинные маги!

Мысленно я проклял глазастого змееныша, но досады не выказал и подтвердил:

– Все так и есть. Это перстень моего брата.

– Позвольте?

Я вложил печатку в ладонь капитана, тот развернул ее к канделябру и прочитал выгравированные изнутри слова:

– «Маэстро Рудольф Олеандр вон Черен». И почему же у вас кольцо брата?

– Оно ему больше не нужно. – Мое горло будто стянула удавка. – Он умер.

Рихард вернул перстень и прищурился:

– Магистр, я послал егерей прочесать лес. Что они там найдут?

Я развел руками и позволил себе легкую улыбку:

– Как говорят, если глубоко зайти в чащобу, можно отыскать даже *прежних*.

– Они найдут колдуна, так? Тело получится опознать?

– Не понимаю, о чем идет речь.

– Я просто хочу понять, как вы связаны с этим делом.

«Каким еще делом?» – стоило бы спросить мне, но я не стал. Не хотел ничего знать о делах Кабинета бдительности.

– Капитан, мне просто не повезло наткнуться в пути на дурных людей.

За спиной зашуршало платье, но я и не подумал обернуться. Никто не станет вязать руки или бить дубинкой по голове. Просто попросят на выход. И я пойду. Я законопослушный подданный его императорского величества Фердинанда Второго и не настолько безумен, чтобы сопротивляться кому-то вроде лиловых жандармов.

Но обошлось. Колдунья лишь выложила на стол исписан-

ный каллиграфическим почерком листок. Одного взгляда хватило, чтобы узнать собственное послание здешнему магистру-расследующему, и столь явное вмешательство в дела Вселенской комиссии по этике просто обескуражило. Я нахмурился и поднялся на ноги.

– Это переходит все допустимые пределы! Я буду вынужден...

– Сядьте, магистр! – потребовал капитан Колингерт, и рядом с первым листом лег еще один, куда более плотный, с несколькими затейливыми подписями и тремя красочными печатями. В истинном зрении они светились всеми оттенками желтого, отмечая тем самым малейшие сомнения в подлинности документа, и все же его содержание не укладывалось в голове.

Канцлер Вселенской комиссии маркиз цу Рогер обязывал всех подчиненных оказывать посильное содействие Кабинету бдительности в проводимом им расследовании. Учитывая натянутые отношения между нашими ведомствами, этот указ попросту не мог появиться на свет, а между тем он лежал передо мной.

Что же это за расследование такое?! Впрочем, нет, я не хотел этого знать.

– Магистр, что мои люди найдут в лесу? – повторил Рихард свой недавний вопрос.

Я не видел больше причин юлить и запыраться и ответил, желая поскорее завершить затянувшуюся беседу:

– Место силы.

– А чернокнижник?

– Мертв.

– Тело?

– Оно вам ничем не поможет. Едва ли его в нынешнем виде узнает даже родная мать.

Рихард шумно выдохнул и забарабанил пальцами по столу.

– Итак, все мертвы. А мертвецы, как известно, не болтают. Очень... неприятное развитие событий.

– Попробуйте поговорить с живыми, капитан, – посоветовал я, выбрал нужный перстень и отправил его на другой конец стола. – Это вам поможет.

Рихард Колингерт перехватил университетское кольцо, не дав тому слететь на пол, и улыбнулся:

– Спрятали на самом видном месте? Разумно.

Он передал перстень Вильгельму, и тот прочитал надпись, выгравированную на внутренней стороне ободка:

– «Бакалавр Клаус Шеер».

– Ренмельский университет, – с непонятным выражением произнес капитан, словно пытался распробовать это словосочетание на вкус. – Ох уж мне этот рассадник вольнодумства...

Я сделал вид, что ничего не услышал. Не сработало – от молчаться не получилось.

– Это все, магистр, чем вы можете нам помочь? Вы больше

ничего не брали с тела?

Святые небеса! Безумно не хотелось расставаться с записями чернокнижника, но в сложившейся ситуации ничего иного попросту не оставалось. Я зарекся совершать поступки, которые обернутся в будущем колотой раной между третьим и четвертым ребрами в самой, казалось бы, не располагающей к тому обстановке.

Стоило только опустить руку в подсумок, спину уколол пристальный взгляд бретера, а эфир потек, готовый свиться в ломающие кости силки. Не подав виду, я выудил тетрадь и кинул ее на стол.

– Записи чернокнижника.

– Вы читали их? – уточнил Рихард столь небрежно, словно его совершенно не интересовал ответ на этот вопрос.

– Они зашифрованы.

Капитан лиловых жандармов кивнул и негромко произнес:

– Остается лишь поблагодарить судьбу, магистр, что вы оказались в нужном времени в нужное время...

Намек многозначительно повис в воздухе; я прекратил складывать перстни в мешочек и объявил:

– Случайность, не более того.

– В самом деле? Если вы вели следствие и опасаетесь за жизнь осведомителей, то уверяю...

– Капитан! – бесцеремонно перебил я собеседника. – В настоящее время я не веду и не вел никакого следствия. Я на-

правляюсь в университет Святого Иоганна для проведения некоторых изысканий, а все лето безвылазно просидел по ту сторону Нарского хребта в Риере!

Рихард Колингерт вздохнул:

– Никто не ставит под сомнения ваши слова, магистр...

Но тон капитана говорил об обратном, пришлось наступить на горло собственной гордости и разложить на столе подорожную, приглашение на замещение вакантной должности, командировочные бумаги и охранную грамоту, выписанную епископом Кларнским.

Бумаги сыграли свою роль, и очень быстро беседа подошла к концу, чему я был несказанно рад. Внимание некоторых людей не сулит ровным счетом ничего хорошего.

– Лаура, посмотри... посмотрите это.

Рихард передвинул тетрадь колдунье, поднялся из-за стола и направился к выходу. Вильгельм и бретер последовали за капитаном, а мне пришлось задержаться, дабы собрать документы и дать необходимые пояснения по ритуалу.

– Магистр, почему вы не носите свое университетское кольцо? – спросила вдруг девушка, которая была младше меня на несколько лет и окончила обучение явно не так давно.

– А вам нравится, когда простецы делают знаки от сглаза и плюют вслед? – ответил я вопросом на вопрос.

– Считаете это достаточным поводом? – Лаура дождалась моего кивка, указала на тетрадь и холодно попросила: – Будьте добры показать схему сорванного ритуала.

Ох уж эта цеховая гордость! Люди слишком много значения придают всякой мишуре. Снять перстень для них словно отречься от собственных способностей и добровольно опуститься до уровня простецов. Мне бы их проблемы!

— Вот эта схема, маэстро. — Я раскрыл нужную страницу, собрал со стола документы и вышел из комнаты, не прощаясь.

Полагал, будто задержался достаточно, но капитан Колингерт так никуда и не ушел, стоял в коридоре.

— Магистр! Я могу рассчитывать на ваше благоразумие? — Он положил руку мне на плечо, проникновенно заглянул в глаза и предупредил: — Не стоит распространяться о случившемся...

— Буду нем как рыба, раз это надо для пользы дела, — пообещал я, накрыв ладонь Рихарда своей. — Да и с кем откровенничать в Кларне, капитан?

Колингерт на миг задумался, затем спросил:

— И долго вы там пробудете?

— Не имею ни малейшего представления. Все зависит от сложности расследования.

— Мы с вами неплохо пустили кровь лаварским еретикам, магистр. Я буду молиться, чтобы с вами не стряслось чего-нибудь... непоправимого.

Рихард убрал руку, и я отступил от него, судорожно стиснув кулак. Не из желания ударить, вовсе нет. Просто не хотелось дать развеяться теплу чужого эфира.

– Благодарю, капитан, – сказал я, хоть мы оба прекрасно знали, что воспоминания о боевом братстве – лишь пустые слова, за которыми скрывается банальная угроза. – Где мой человек?

– Ужинает, – ответил Рихард и направился к лестнице на второй этаж.

Я через силу улыбнулся. Частичка эфирного тела превратилась в призрачный уголек, и лишь ценой невероятных усилий мне удавалось ограждать его от соприкосновения с собственной аурой. Пальцы понемногу теряли чувствительность, онемение поднималось по руке все выше и выше. Следовало уединиться, и немедленно, но первым делом я все же заглянул в общий зал.

Тот оказался полон; уж не знаю, выставили обычных постояльцев за дверь или разогнали по комнатам, но на глаза попадались исключительно крепкие парни при оружии в забрызганной грязью дорожной одежде. На столе в дальнем углу лежало несколько кавалерийских арбалетов, рядом стояли прислоненные к стене мушкеты.

Хорхе с кислой миной сидел на лавке меж двух крепышей и без всякого удовольствия, как мне показалось, цедил пиво. Я махнул ему рукой, слуга выбрался из-за стола и подошел.

– Все в порядке, магистр?

– Допивай и приходи, – ответил я, забрал ключ и поспешил в комнату.

А только захлопнул за собой дверь и сразу принялся ли-

хорадожно перебирать четки в поисках одной из двух наполненных эфиром янтарных бусин, что купил в лавке братства святого Луки и еще не использовал для своих нужд. Призрачный уголек в кулаке уже не горел, а пульсировал подобно назревшему нарыву, сбивал болезненными уколами с толку, мешал определить на ощупь нужное зерно.

Ну где же оно? Где?!

Неожиданно пальцы ощутили тепло зачарованного янтаря, и я поспешно втолкнул в полированный камень крупницу чужого эфира, надавил и запечатал ее там усилием воли. Бусина дрогнула и засветилась, обожгла пальцы, но очень быстро потускнела и остыла, стала неотличима на первый взгляд от других.

У меня вырвался вздох облегчения.

Все же опыт – великая вещь! Проворачивать подобный трюк было не впервой, капитан Колингерт стал в моей коллекции уже шестым. Я вовсе не собирался наводить порчу или исподволь влиять на принимаемые им решения, но страховка отнюдь не была лишней. Внимание Кабинета бдительности еще никого до добра не доводило, а теперь, по крайней мере, внезапное появление порученца барона аус Баргена не застигнет меня врасплох. Узнаю о его приближении загодя.

Я стиснул янтарную бусину и немедленно уловил отклик эфирного тела Рихарда. Оставалось лишь возблагодарить небеса, что кудесники братства святого Луки продавали не только обереги, но и наполненные чистым эфиром заготов-

ки.

Бросив подсумок с пистолями на кровать, я улегся рядом и уставился в потолок. Скрипнула дверь, внутрь проскользнул Хорхе. Он запалил светильник и сиплым шепотом спросил:

– Насколько все плохо?

– Прямо сейчас убивать нас не придут, если ты об этом.

Кован нервно хохотнул и уселся на тюфяк.

– Это радует, магистр. Ребята там подобрались тертые.

Я кивнул. Лиловые жандармы своего не упустят. Понять бы еще, с какой стати их натравили на чернокнижника. Задействовать лиловых в такой ситуации – все равно что палить из пушки по воробьям. Дорого и неэффективно. Кабинет бдительности занимается крамолой и вражескими соглядатаями, а никак не приспешниками князей запределья. Между тем Рихард со своими людьми в окрестностях Стожьена явно околачивается не первый день, а значит, дело серьезней некуда. И еще это пожелание держать язык за зубами...

Меня передернуло.

– О чем думаете, магистр? – спросил Хорхе.

– Стоило дожидаться почтовой кареты, – сказал я, не став делиться своими догадками.

Знать бы еще, удалось убедить Рихарда в случайном совпадении или до сих пор так и нахожусь под подозрением. Вот уж вопрос так вопрос! Люди, перешедшие дорогу Кабинету

бдительности, имели обыкновение растворяться в воздухе. Бесследно.

В дверь постучали, когда на улице сгустились сумерки. Хорхе уселся на тюфяке, потянулся за ножом.

– Брось! – приказал я. – Отопри, и без фокусов.

В коридоре стоял давешний бретер.

– Сеньор капитан приглашает отужинать с ним.

– Сейчас буду, – пообещал я, стянул свитер и заменил его на вычищенный камзол.

Начал повязывать шейный платок, и Хорхе напомнил:

– Пистолы, магистр!

– Не думаю, что в них возникнет нужда, – отмахнулся я и отправился на ужин.

К моему немалому удивлению, меня ждали не в общей зале, а на втором этаже. Бретер проводил до лестницы, а сам остался внизу.

Стол накрыли прямо в холле. На дальнем его конце расположились два незнакомых господина средних лет, невзрачных и неприметных, которые склонились над картой и выверяли что-то на ней с помощью линейек и циркуля. Рихард Колингерт с мрачным видом стоял у окна и смотрел на улицу, Вильгельм скучал в одиночестве, а Лаура вполголоса беседовала с рослым монахом в черной с темно-красной окантовкой рясе.

Ловчий ордена Герхарда-чудотворца!

Вот это уже больше похоже на охоту за чернокнижником! Пусть черно-красные и пользовались наибольшим влиянием в Майнрихте, где без устали выжигали ползшую с юга ересь мессианства, но и в империи они пользовались репутацией искусных охотников на ведьм. От местных епископов братья не зависели, на долю в имуществе осужденных не претендовали, и потому, как мне доводилось слышать, судебные разбирательства проводились настолько объективно, насколько это вообще возможно, когда речь заходит о темной волшбе.

Я встал на верхней ступеньке, разглядывая монаха. Был тот не слишком высоким, зато кряжистым и крепко сбитым. Ряса не скрывала мощного сложения, а лицо, хоть и выглядело хмурым и не улыбочивым, отличалось правильными чертами и некоей даже одухотворенностью. Безупречную симметрию нарушали слегка искривленный кончик носа да тонкий шрам, рассекавший нижнюю губу и терявшийся в курчавой русой бороде.

Ситуация запуталась окончательно. Что связывает колдунью из истинных, ловчего ордена Герхарда-чудотворца и капитана лиловых жандармов? Как они оказались в одной упряжке? Что такого натворил приконченный мной чернокнижник, если на его поиски бросили столь разношерстную компанию?

И тут откуда-то сбоку прозвучало громогласное:
– Проходите, магистр! Не стойте, будто дальний родственник на княжеском пиру!

Невольно вздрогнув от неожиданности, я развернулся и во все глаза уставился на седовласого дворянина средних лет, перегородившего своей мощной фигурой весь дверной проем. Высокий, широкоплечий и грузный, с грубым лицом, господин этот казался вставшим на задние лапы медведем, одним из тех, что были изображены на его родовом гербе. Ко мне обращался барон аус Барген, статс-секретарь имперского Кабинета бдительности, и это попросту не укладывалось в голове.

— Ваша милость...

Мы встречались лишь однажды, несколько лет тому назад в охваченной мятежом Лаваре. Тогда барон смотрел на меня с откровенным разочарованием, сейчас же глядел с нескрываемым интересом. И я бы дорого заплатил, лишь бы только вернуть тот прежний взгляд. Интерес этого достопочтенного сеньора сулил сплошные неприятности.

В Северных марках аус Баргена именовали не иначе как карающей десницей светлейшего государя, на юге за глаза звали цепным псом престола, а в той же многострадальной Лаваре его именем с недавних пор и вовсе пугали детей. При этом в Средних землях Кабинет бдительности не имел того влияния, коим пользовался в столице и ее окрестностях. Здесь каждый владетель захудалого феода полагал себя равней самому императору, а тянувшиеся несколько поколений междоусобицы из-за виноградника или заливного луга зачастую не могли остановить даже монаршие эдикты. Я бы

меньше удивился, повстречав в этой дыре ангела небесного, и все же быстро переборол замешательство и поклонился.

Чернокнижник? Бросьте! Если аус Барген выбрался из столичной резиденции, то метил он в птицу куда более высокого полета, нежели почитатель заповедей. Какой глупец навлек на себя неудовольствие светлейшего государя на этот раз? Местный епископ или кто-то из владетельных господ?

– Проходите к столу, магистр, – предложил барон, сел сам и упер в пол трость, на которую сильно наваливался при ходьбе.

Пухлые пальцы легли на затейливую рукоять, и самоцветы многочисленных перстней заискрились отблесками свечей. Кто другой мог бы посмеяться над пристрастием к дорогим безделушкам, но я прекрасно ощущал легкое дрожание силы; камни не просто напитали эфиром, в них вложили готовые заклинания. Защитные, скорее всего. Покушались на аус Баргена не раз и не два.

При появлении барона невзрачные господа убрали со стола карту, Луиза спрятала в сумочку тетрадь чернокнижника, а не улыбочивый герхардианец поднялся со своего места.

– Возблагодарим же Вседержителя за ниспосланный нам хлеб насущный!

– Возблагодарим, брат Стеффен... – вздохнул статс-секретарь, с тяжким кряхтением вставая со стула.

Мы помолились, и дальше какое-то время за столом слышался только стук ножей. Когда же с тушеной крольчатинной,

жареными лепешками и мясным пирогом было покончено, а хозяин принес сыр и еще пару кувшинов вина, статс-секретарь Кабинета бдительности вытер жирные пальцы и обратился к молодому человеку:

– Твое впечатление о нашем госте, Вильгельм?

– Заносчив и упрям, как все школяры! – объявил тот, не задумываясь.

Барон кивнул и спросил меня:

– А что скажете вы, магистр?

Ничего не оставалось, кроме как принять правила игры. Благо теперь в моем распоряжении оказались недостающие кусочки мозаики. Но даже так пренебрегать вежливостью я не стал.

– Сеньор вон Ларсгоф, полагаю, уроженец Средних земель или прожил здесь немало времени, но не так давно переехал в столицу. Не думаю, что учился в университете. Либо получил перевод по службе по причине выдающихся способностей, либо... – тут я сделал едва заметную паузу, – кто-то составил ему протекцию.

И вновь у Вильгельма дрогнуло веко, но ему хватило выдержки промолчать и даже небрежно улыбнуться. А вот по лицу капитана Колингерта улыбка скользнула куда как более злая. Судя по всему, со своим предположением я угодил в яблочко.

Аус Барген несколько раз кивнул и откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула так, что камзол туго обтянул

немалый живот. Он несколько мгновений разглядывал меня, затем сказал:

– Знаете, магистр, ваше участие в этом деле могло бы оказаться полезным.

Судя по вытянувшейся физиономии Вильгельма и удивлению Лауры, барон с ними своими соображениями не делился. Невзрачные сеньоры переглянулись, брат Стеффен озадаченно выгнул бровь. Никак не отреагировал на это заявление лишь капитан Колингерт; не стал принимать предложение за чистую монету и я.

– Странно привлекать к делам человека, которого видите второй раз в жизни.

– К чему ложная скромность? Вы хорошо зарекомендовали себя в Лаваре. Без единой царапины прошли всю кампанию, дослужились до обер-фейерверкера Сизых псов, да еще едва не захватили живым самого ересиарха Тибальта!

– С тех пор много воды утекло...

– Миена! – резко бросил аус Барген. – Четыре года назад опального ректора местного университета отправили на небеса с помощью ручной бомбы. А три года назад в Легенбурге при подрыве пороховой башни погибли полковник и оба капитана Пестрых лис. Незадолго до безвременной кончины эти господа вызвали неудовольствие Вселенской комиссии. Думаю, не ошибусь, если предположу, что исполнителем в обоих случаях были вы. Слишком уж характерный... почерк.

Барон выжидающе посмотрел на меня, и я не стал юлить, ответил предельно честно:

– Не готов обсуждать служебные дела.

Удивительно – голос нисколько не дрожал, но аус Барген на этом не успокоился.

– Вскоре после тех событий ваши друзья-ландскнехты из Сизых псов взяли штурмом усадьбу графа Цестранда. Вы ведь были тогда с ними, не правда ли?

Вильгельм и Лаура округлили глаза, да и остальных присутствующих заявление барона равнодушными не оставило. Я обхватил обеими руками кружку с вином, пить не стал, просто постарался скрыть невольную дрожь. Барон невесть с чего решил перетряхнуть на людях мое грязное белье, и это не могло не беспокоить.

– У наемников есть только один настоящий друг – золото. И к чему мне желать зла графу?

– Именно его светлость втравил роту Пестрых лис в ту нехорошую историю с захватом университетских земель в Южном Тольме. Сколько тогда пострадало школяров и профессоров? Комиссия просто не могла стерпеть столь откровенный плевок в лицо, вам ли этого не знать!

– К чему ворошить дела давно минувших дней? – поморщился я, даже не пытаясь скрыть досады.

Дела давно минувших дней? Святые небеса, нет! За *те дела* могли спросить кровью даже сейчас. Слишком много благородных сеньоров отправилось в запределье вместе с гра-

фом. Слишком многим из них помог отправиться туда я сам.

Барон отломил хлебный мякиш, макнул его в соус и закинул в рот. Прожевал и спросил:

– Что подвигло вас перейти из магистров-исполняющих в магистры-расследующие?

Едва ли я мог словами передать всю ту гамму ощущений, которые вызывает воткнувший в живот кинжал, не стал даже пытаться. Вместо этого сказал:

– Я решил, что кабинетная работа подходит мне больше, и смог убедить в этом руководство. Это было непросто, но в итоге я добился своего.

В этот момент с первого этажа поднялся усатый бретер, он что-то сообщил капитану Колингерту и вышел.

– Пока новостей нет, – сообщил Рихард барону, вернувшись за стол.

Аус Барген рассеянно кивнул и обратился к девушке:

– Лаура, золотце! У тебя был какой-то вопрос к нашему гостю?

Я подобрался, хоть и постарался внешне этого никак не показать.

– Спрашивайте, маэстро. Помогу, чем смогу.

Лаура положила на стол тетрадь чернокнижника и раскрыла ее на странице с уже знакомой схемой.

– Скажите, магистр, вы уверены, что ныне покойный магистр Шеер пытался провести именно этот ритуал?

Я позволил себе легкую улыбку.

– Насколько удалось заметить, нигде в записях больше не фигурирует шестиконечная звезда. Это помимо всего прочего.

Лаура пристально посмотрела на меня, и хоть от взгляда ее пронзительно-синих глаз сделалось не по себе, я не отвернулся.

– И вы точно слышали, как один из разбойников крикнул: «Не стреляй, иначе сам в круг ляжешь»?

– «По ногам! Иначе сам в круг ляжешь», – поправил я девушку. – И что вас смущает, маэстро? Для этого ритуала требуется именно семь жертв, столько нас и было!

Колдунья склонилась над столом, и я уловил легкий аромат цветочных духов.

– Посмотрите сюда, магистр, – указала она на один из условных символов. – Вы не учли направление эфирного потока. Покойный не пытался воздействовать на запределье, он намеревался вытянуть что-то оттуда. И в этом случае центр фигуры остается пустым. Для ритуала нужны лишь шестеро. Вашего слугу могли застрелить без всяких последствий, но не сделали этого. Почему?

Почему? Да просто среди пассажиров был еще один сообщник колдуна, помимо зарезанного Хорхе молодчика! Но признавать этого не хотелось.

– Один человек требовался для подстраховки? – не слишком уверенно предположил я и всплеснул руками. – Кто знает, что было на уме у чернокнижника? Нормальный человек

с запредельем не свяжется!

Но мои слова никого не убедили, и барон аус Барген начал перечислять:

– Четверо горожан, ваш слуга и вы. Это шестеро. Плюс сеньор де ла Вега. Так?

– Все верно.

– Будь вы соучастником чернокнижника, решившим выйти из дела, – как ни в чем не бывало продолжил барон, – не стали бы писать докладную записку и привлекать к себе внимание. Вашего слугу и простецов исключаем, остается сеньор де ла Вега. К сожалению, он покинул постоянный двор до нашего приезда. Розыски его результатов не дали.

– Возможно, он сейчас в Стожъене?

Аус Барген покачал головой:

– Если де ла Вега в Стожъене, мы его найдем. А пока, магистр, что вы можете рассказать о своем попутчике?

– К стыду своему должен признать – очень немного, – ответил я и надолго приложился к кружке с вином.

Мысль о том, что некто, связанный с запретной волшбой, теперь знает меня в лицо, душевного равновесия не принесла...

Часть вторая

Школяры и книги

Глава 1

Тряска! Стоило только почтовой карете свернуть со староимперского тракта на разбитую тележными колесами дорогу, и во всем мире осталась лишь она одна. Тряска.

Меня то и дело подкидывало на жесткой скамье и прикладывало о ничуть не менее жесткую спинку. Я изрыгал проклятия, усаживался обратно, и тут колесо вновь попадало в очередную яму, из которых, казалось, и состояла вся дорога на Кларн.

А Хорхе спал. На этот раз других пассажиров в карете не было; слуга вольготно устроился на второй скамье и негромко посапывал, не пробуждаясь даже от самых сильных толчков.

Если начистоту, я и сам вполне мог составить ему компанию; заснуть мешала отнюдь не тряска, а роившиеся в голове мысли. Опасения, предположения и догадки ни на минуту не оставляли все последние дни, именно они изматывали и вызывали бессонницу. Что-то во всей этой истории с чернокнижником было неправильным и выбивалось из ряда аналогичных случаев, только никак не удавалось понять, что именно. Прийти к какому-либо выводу мешал недостаток информации.

Ясно было одно: стоит держать язык за зубами, иначе барон аус Барген – статс-секретарь Кабинета бдительности,

полковник лиловых жандармов и прочее, прочее, прочее легко и непринужденно сотрет меня в порошок. Барон ясно и недвусмысленно дал понять это во время памятного ужина, пусть и не столь прямолинейно, как незадолго до того высказался капитан Колингерт.

К тому же еще оставался Сильвио де ла Вега. По здравом размышлении я решил, что, несмотря на характерные фамилию и внешность, мой попутчик был родом отнюдь не из Гиарнии или Карифа, а откуда-то с побережья Каменного моря, возможно даже, из городов-республик Золотого Серпа. На такую мысль навел ряд оговорок, да и стоимость пистолей Сильвио озвучил в дукатах. Эту полновесную золотую монету в качестве расчетной единицы использовали именно на востоке; в империи таким целям служили гульдены, а в землях мессиаан — эскудо или дублоны.

Как бы то ни было, это мое предположение ни в коей мере не говорило о причастности Сильвио к запрещенному ритуалу. Напротив, чем дольше я об этом думал, тем больше склонялся к мысли, что либо чернокнижник и в самом деле хотел перестраховаться, либо кучер просто-напросто ошибся в подсчете пассажиров. Ничего удивительного в этом не было, учитывая, сколь долго он вычислял причитающуюся с меня плату за проезд.

Впрочем, какая теперь разница? Мы разошлись как в море корабли и никогда не встретимся вновь. Оно и к лучшему. Карета подпрыгнула пуще прежнего; Хорхе заворочался,

потом уселся на лавке и уставился на меня осоловелыми после сна глазами.

– Язык прикусил, – пожаловался слуга и приоткрыл дверцу, намереваясь помочиться на дорогу, но сразу уселся обратно на лавку и сообщил: – Пограничный пост впереди. Опять будут деньги вымогать, кровопийцы...

Земли империи представляли собой лоскутное одеяло из герцогств, княжеств, графств и рыцарских ленов; иногда за день приходилось пересекать три-четыре границы, и всякий раз стражники задавали одинаково бессмысленные вопросы: «кто?», «откуда?», «зачем?» и «куда?». Потеря времени, а для обычных путников – еще и денег. Нас от вымогательств покуда защищали университетские документы.

Почтовая карета остановилась у пограничных столбов со шлагбаумом. Рядышком посреди чистого поля торчала дощатая будка, выкрашенная косыми черными и белыми полосами. Под навесом там скучали три бойца пограничной стражи, да еще ежились от ветра двое растрепанных молодых людей в цивильном платье.

Один из стражников без всякой спешки подошел, заглянул к нам и завел привычную шарманку:

– Кто и куда направляетесь?

– Вон Черен, магистр. Буду преподавать в университете Святого Иоганна, – сообщил я. – Со мной слуга.

Взгляд служивого скользнул по серебряному перстню с золотой накладкой герба Кальвортского университета, и на

миг в покрасневших глазах промелькнуло беспокойство, но лишь на миг.

– Подорожную! – потребовал стражник, переборов неуверенность.

Я протянул документы, и служивый немедленно сунул их за обшлаг давно не стиранного мундира.

– Выходите. Сержант придет, посмотрит бумаги.

– А что же сам? – прищурился я.

– Не обучен, – сознался страж границы. – Сержант велел никого без него не пускать, так что выходите.

Я рассчитывал уже к обеду быть в Кларне, а неожиданная задержка ставила на этих планах крест. Неизвестно ни то, когда соизволит явиться сержант, ни то, когда здесь пройдет следующая почтовая карета. Так и до завтрашнего утра прокуковать можно в чистом поле.

– Выходите! – повысил голос стражник, и к нам потопал его товарищ с алебардой на плече.

Кучер извернулся на козлах и попросил:

– Поспешите, ваша милость. Почту надо везти!

– Умолкни! – шикнул я и достал охранную грамоту, выписанную епископом Кларна. – Читать ты, милейший, не обучен, но глаза-то пока оба на месте. Знакомая печать?

Судя по перекосившей небритую физиономию гримасе, красный оттиск был служивому прекрасно знаком. Но пойти на попятную он не пожелал.

– Сержант велел...

– Сержанта здесь нет! – отрезал я. – И хоть его преосвященство – добрейшей души человек, едва ли ему понравится, что пограничная стража перестает узнавать охранные грамоты. Оправданием такому может послужить только слепота. Если ты не слепец, то рискуешь им стать!

Стражник побагровел, по широкому лицу покатались крупные капли пота. И немудрено: одно дело – чинить препятствие простому ритуалисту, и совсем другое – пытаться задержать ритуалиста с охранный грамотой епископа. Такой и магию пустить в ход может, ничуть не опасаясь проблем с правосудием. Или хуже того – накатает кляuzu в канцелярию епископа, и тогда достанется по первое число всем, начиная от капитана и заканчивая приبلудившимся к посту шелудивым псом.

Скрипнув зубами, служивый выдернул из-за обшлага подорожную, кинул ее мне и с силой захлопнул дверцу. Послышался злобный рык, и сразу закрипел, поднимаясь, шлагбаум. Кучер не стал мешкать, карета тронулась с места и покатила, переваливаясь на неровной дороге с боку на бок.

– Повезло, что мы на епископских землях, – усмехнулся Хорхе Кован.

– Повезло, что его преосвященство держит паству в строгости, – покачал я головой.

Действительно, повезло. Иначе пришлось бы пускать в ход другие козыри. Или потратиться на взятку. Иногда это самый простой и быстрый способ добиться желаемого.

За последние дни заметно потеплело, подмораживало лишь по ночам, редкие снегопады сменились обложными дождями. Грязь летела с колес на стенки кареты, срывалась целыми пластами, но вскорости нарастала вновь. Равнинная местность осталась позади, начались предгорья, и уставшие лошади едва взбирались на многочисленные подъемы.

На почтовой станции, пока меняли лошадей, мы с Хорхе смолотили несколько ломтей хлеба с половиной круга копченой колбасы и выпили по кружке глинтвейна.

– Куда это они, магистр? – удивился слуга, заметив босоногих странников в ветхих и грязных дерюгах.

Те растянулись по дороге длинной вереницей, каждый держался за плечо впереди идущего, во главе процессии шагала поводырь.

– Здесь неподалеку святое место, – ответил я, провожая взглядом паломников. – Я заплатил кучеру, он остановится там на четверть часа.

– Чистая растрата! – проворчал Хорхе.

Я лишь усмехнулся и не стал напоминать, что за проезд двух почтовых миль до Стожьена мы не заплатили ни пфеннига, а оплату постоянного двора милостиво взял на себя барон аус Барген. Оставались еще и монеты, позаимствованные из кошелька чернокнижника. В сумму, отпущенную на дорогу, мы укладывались с изрядным запасом, и я не видел оснований для скопидомства.

– Ваша милость! – окликнул меня кучер. – Выезжаем!

После почтовой станции поля окончательно остались позади, потянулись поросшие лесом пригорки. Свежие лошади споро тянули карету, мы забирались все выше и выше. Затем дорога пошла под уклон, вдоль нее запрыгал по осклизлым камням быстрый ручей. На окраине какого-то селения охранник прямо на ходу принял опечатанный мешок с корреспонденцией, а немного дальше мы свернули с торного пути на просеку. Удивительно, но трясло в лесу даже меньше.

Разъехаться со встречной повозкой здесь не было никакой возможности, поэтому кучер беспрестанно гудел в рожок, предупреждая о нашем приближении. Пешие путники поспешно сворачивали на обочины, несколько раз попадались загнанные на вырубке телеги. Однажды путь уступила карета с забрызганными грязью гербами на дверцах. Святое место привлекало отнюдь не только голытьбу.

Когда мы остановились у выложенной камнями чаши, в которую падала срывающаяся с отвесной скалы струйка воды, кучер развернулся на козлах и предупредил:

– Четверть часа, ваша милость. Если задержитесь, покроете нам штраф за опоздание.

– Не задержусь, – ответил я и в обход толпившихся у чаши паломников направился напрямик к вырубленным в скале ступеням.

Тут же рядом оказался невзрачный человечек в коричневой хламиде, отдаленно напоминавшей монашеское одея-

ние.

– Добрый человек, – ухватил он меня за рукав, – только великая нужда заставляет расстаться с величайшей ценностью – углем из костра, на котором язычники сожгли святого Дитфрида!

На грязной ладони, которую он сунул мне под нос, лежал уголек с ноготь большого пальца величиной.

– Святого сожгли семьсот лет назад, – напомнил я.

– Этот уголь передавался из поколения в поколение, добрый человек! – уверил меня незнакомец. – Его наполняет целительная сила святого! Любые болезни...

Я и в самом деле был добрым человеком и при этом человеком предельно занятым. Поэтому не стал поднимать крик и выдвигать обвинение в мошенничестве, а просто приложил ловкача ладонью по лбу и скомандовал:

– Изыди!

Ошеломленный жулик уселся на задницу, тут же вскочил и опрометью бросился прочь. Уголек так и остался валяться на земле. Еще один хмырь с заполненным серой золой фиалом оценивающе глянул на меня и отправился на поиски более легкой добычи.

Я усмехнулся и начал подниматься по неровным ступеням, пропуская на площадках покидавших пещеру паломников. Лица их были преисполнены благодати, никто не спешил, все помогали друг другу. Жаль только, это не продлится долго. Святое место давало людям шанс измениться и

стать лучше, но жизнь быстро расставляла все по своим местам.

Вырубленная в скале лесенка привела к пещере, там рядом с ящиком для пожертвований дежурили два крепких послушника из близлежащего монастыря. Я кинул в прорезь несколько мелких монет и прошел через распахнутую решетку к мрачному зеву подземелья, свод которого был покрыт густым слоем копоти. Местами серели свежие сколы, но, сколько ни забирай отсюда камня, святость никуда не денется.

Дитфрид был отшельником, жил в пещере и проповедовал окрестным крестьянам, пока его не отыскали солнцепоклонники. А быть может, на нехитрый скарб позарились лесные разбойники. Это не имело ровным счетом никакого значения: главное, что на святого снизошла божественная благодать, его тело стало чистым светом, а душа отправилась на небеса. Святость Дитфрида не оспаривалась даже во время пресловутого вселенского собора двести семнадцатого года. Кто бы другой преисполнился небесной благодати во время сожжения на костре?

И пусть мрачная пещера не шла ни в какое сравнение с Сияющими Чертогами, я сразу ощутил эманации святости; те изменяли незримую стихию и наполняли эфир целительной силой. Темная келья с низким потолком вдруг показалась прекраснейшим из дворцов, дорожную усталость как рукой сняло, хотелось просто стоять и дышать полной гру-

дью, хотелось жить и...

Сознание прояснилось, и я попятился к выходу. Вышел под хмурое осеннее небо и рассмеялся. Мне было хорошо. Увы, счастье мимолетно и не длится вечно, я начал спускаться по каменным ступеням и почти сразу наткнулся на спешившего навстречу Хорхе.

– Магистр! – с трудом выдохнул он, отдуваясь. – Время! Уже? А показалось, не пробыл внутри и пары минут!

Я покачал головой и последовал за слугой. Кучер уже подпрыгивал от нетерпения, но требовать доплаты не решился; при моем появлении он лишь с облегчением воздал хвалу небесам и резво заскочил на облучок.

От обиталища святого дорога шла под уклон, и карета покатила с пригорка, подпрыгивая и раскачиваясь на камнях; приходилось упираться в стенки растопыренными руками.

– В Кларне будем через час, – сказал я, заметив почтовый столб.

– Сразу пересядем на карету до Мархофа? – уточнил Хорхе. – Или задержимся в городе?

– Задержимся, – ответил я. – Прежде чем ехать в университет, надо побывать на аудиенции у его преосвященства.

– У-у-у! – протянул слуга. – Одним днем дело точно не ограничится! Помяните мое слово, магистр: придется обивать пороги канцелярии не менее седмицы.

Я рассмеялся и покачал головой:

– Вовсе нет, Хорхе. Именно епископ Вим обратился в

комиссию с просьбой прислать магистра-расследующего со стороны.

– Дожили! – проворчал Кован. – Вселенская комиссия по этике на побегушках у церковников!

Предвзятость слуги по отношению к духовенству порой переходила все разумные пределы, и я обреченно вздохнул:

– Хорхе! Университет Святого Иоганна стоит на церковных землях и не платит за аренду ни пфеннига, а вся профессура теологического факультета живет за счет епископских пребенд. И не только она – его преосвященство выделяет средства и для остальных факультетов, пусть и не в таких размерах. Думаю, просьба этого в высшей степени достойного сеньора заслуживает малой толики нашего внимания!

– Все в этом мире продается и покупается, я знаю, – усмехнулся Кован, потер нос и спросил: – Какой толк епископу сорить золотом? От школяров одни проблемы.

Я рассмеялся:

– Причин две. Деньги и влияние, только и всего.

Теологический факультет Университета святого Иоганна считался одним из наиболее авторитетных во всех Западных землях империи; отучившиеся на нем школяры занимали церковные посты не только в этой, но и в соседних епархиях, а кто-то даже пробивался в столицу. Это касалось и юристов, да и всех остальных выпускников – тоже.

Что же до денег, то школярам приходилось раскошеливаться отнюдь не только на плату лекторам. Во время обуче-

ния они ели, пили, снимали квартиры, покупали письменные принадлежности и одежду. Надо ли говорить, что большинство окрестных трактиров принадлежало епархии, а продукты в них поставляли арендаторы церковных земель?

— Как я сам не догадался! — Голос Хорхе был преисполнен сарказма. — Так мы теперь будем действовать за спиной ректора?

— В этом университете не выбирают ректора. Епископ назначает канцлера. Он и декан факультета тайных искусств в курсе моего приезда.

Они и только они. Для всех остальных я был обычным лектором, получившим кафедру по протекции епископа Вима. И все бы ничего, но я и понятия не имел, какие причины побудили его преосвященство вызвать магистра-расследующего со стороны. В письме упоминалось о наведении порчи, а со столь банальным случаем вполне могли справиться и мои местные коллеги.

Оставалось лишь теряться в догадках, чем руководство- вался канцлер Вселенской комиссии, отправляя меня в Мархоф. Вероятнее всего, им двигали политические соображения и банальное желание уважить епископа, но могли иметься в деле и некие подводные камни, о которых поставят в известность на месте.

Впрочем, не важно. В любом случае скоро все прояснится само собой.

— Не выбирают ректора? — удивился Хорхе. — А как же

школярская присказка: кто платит, тот и заказывает музыку? С теологическим факультетом еще ясно, а как остальные такое терпят? Почему не уходят в другие города?

Я пожал плечами:

– Плата за обучение стараниями епископа не слишком высока, да и с признанием лицензий проблем не возникает. А ты же знаешь – без лицензии не то что лекари практиковать не могут, даже в аптеку подмастерьем не возьмут. Опять же связи решают многое. Кому-то в радость учиться на чужбине, а кому-то больше знаний интересны полезные знакомства.

– Все продается и покупается, – со вздохом повторил Кован.

– Воистину так, – подтвердил я без тени усмешки. – А что не продается, устроит по старой памяти однокашник. Как уже говорил: миром правят деньги и влияние.

В Кларне я оставил Хорхе на почтовой станции караулить сундук, а сам отправился в резиденцию его преосвященства. На осла или паланкин тратиться не стал, благо ведущая к центральной площади улица оказалась вымощена брусчаткой. Недавние дожди смыли солому и конские яблоки, не превратив при этом мостовую в непроходимое болото. А вот на соседних улицах горожане передвигались по уложенным в грязь доскам, в иных лужах могли застрять и телеги. Ко всему прочему, Кларн был выстроен на нескольких пологих

пригорках, и в низинах впору было плавать на лодках. Местами даже мне приходилось брести по щиколотку в воде.

Епископская резиденция возвышалась на одном из холмов, у подножия которого протекала забранная в каменные берега грязная речушка. Облицованное мрамором строение с арочными окнами верхних этажей пряталось за высокой кирпичной оградой. Застроена округа была очень плотно, на глаза то и дело попадались крытые галереи между домами, и не приходилось сомневаться в наличии проложенного по верхним этажам пути отсюда в кафедральный собор.

Миновав городскую площадь с величественным храмом и немного поблуждав среди узеньких улочек, я вышел к воротам, у которых с грозным видом прогуливались два наемника в кирасах и шлемах. Вооружение их составляли алебарды и короткие мечи-кошкoderы; сорочки с пышными рукавами-буфами и шоссы были бело-зеленых епископских цветов.

Выходцы из ортодоксальных кантонов Медланских гор смерили меня внимательными взглядами, но останавливать не стали, и я беспрепятственно прошел в просторный двор с коновязью и поилкой. Там обнаружилась еще полудюжина гвардейцев. Трое стояли, уперев в землю деревянные приклады мушкетов, остальные прохаживались, закинув на плечи древки алебард. Но, уверен, не обошлось в гвардии епископа и без арбалетчиков. Слишком опрометчиво полагаться на одно лишь огнестрельное оружие; ни один опытный

наемник подобной промашки не допустит.

А еще эфир... Кто-то поработал с незримой стихией, выстроив сложную систему магической защиты, и защита эта не имела ничего общего с охранными чарами пороховых башен. Эфир здесь не был скован чужой волей; напротив, он казался необычайно податливым. Потянись, попробуй захватить – тут же утечет сквозь пальцы.

В приемной дежурили два охранника, оба – с мечами и пистолями, а за конторкой сидел молоденький клерк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.